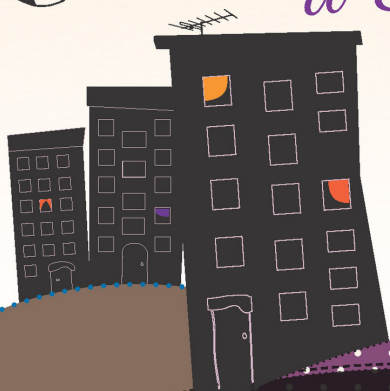

О ЛЮБВИ ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ

ДАРЬЯ ВОЛКОВА
НАТАЛЬЯ ЛИТТЕРА

Батя,
Батюшко
и Бэмби

когда третий —
ребенок

**Наталья Литтера
Дарья Волкова
Батя, Батюшко и Бэмби**
Серия «О любви простыми словами»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44559210

*Д. Волкова. Н. Литтера. Батя, Батюшко и Бэмби: ИПО «У Никитских
ворот»; Москва; 2019
ISBN 978-5-00095-858-2*

Аннотация

Город. Улицы, машины, люди, дома. Поздний вечер, окна. И за ними – снова люди. Нас интересуют некоторые из них. Какова вероятность, что прагматичная, лишенная иллюзий женщина за тридцать закрутит роман с убежденным холостяком и циником? Небольшая, но есть. А сколько шансов на то, что этот роман перерастет в настоящее чувство? Ноль? А вот и нет. Ноль целых, одна тысячная. Как раз на таких цифрах мы и специализируемся. Расскажем, покажем, докажем.

Содержание

Глава 1. Habitus aegroti	5
Глава 2. Casus ordinarius	37
Глава 3. Modus vivendi	73
Глава 4. Status naturalis	95
Глава 5. Homo sapiens	122
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Дарья Волкова, Наталья Литтера Батя, Батюшко и Бэмби

© Волкова Д., Литтера Н., текст, 2019

© Литтера Н., иллюстрации, 2019

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2019

*** * ***

Глава 1. *Habitus aegroti*

1

По пока еще пустому коридору поликлиники шел человек. Шел, не торопясь, но и не вальяжно. По делу шел, на работу. У человека худощавая фигура среднего роста и горбоносое лицо с темными выразительными глазами.

Зовут человека Денис Валентинович Батюшко, и о нем, как нетрудно догадаться, пойдет речь в данной истории. Впрочем, не только о нем – как тоже, наверное, можно догадаться из названия.

Но вот человек открывает дверь. Прошу за нами, дорогой читатель. Сейчас история и начнется.

* * *

Худощавый темноволосый мужчина среднего роста открыл дверь кабинета. Пальто – в шкаф, переобуться, свежий халат, взгляд на часы.

Пять минут до начала приема. Стопка медицинских карт уже приготовлена со вчерашнего дня на углу стола.

Он подошел к окну, раздвинул жалюзи. В следующий раз полюбоваться на деревья за стеклом получится только через

¹ *Habitus aegroti* (лат.) – общий вид больного.

пару часов.

Мужчина прошелся по кабинету. Щелкнул пальцами по ониковой макушке Анатолия, тронул небрежно Бориса, сел за стол. Покосился на второй по величине экземпляр в коллекции – хрустального и могучего...

– Ну что, Николай, начинаем работать?

Словно получив разрешение, в дверь постучали.

– Доктор, можно?

– Заходите, голубчик, заходите.

Старорежимное и дореволюционное «голубчик» Дэн унаследовал от отца, известного нейрохирурга Валентина Денисовича Батюшко. И это обращение было частью легенд, которые ходили о самом Денисе. А еще в арсенале доктора Батюшко-младшего значились: «батенька», которое следовало произносить с легкой укоризной, «дорогуша» – когда пациент совсем недисциплинированно относился к выданному плану лечения и, наконец, терапевтическое «умница» – если все происходило с точностью до наоборот.

К слову сказать, Батя – не батенька, а именно Батя и с большой буквы – наряду с заграничным Дэном являлось прозвищем Дениса, которое сопровождало его с первого курса академии и стало, казалось, уже неотъемлемой частью его личности. И теперь, спустя годы, это обращение – за глаза, естественно, большей частью – прочно закрепилось за Денисом и среди пациентов. Которым он возвращал мужское здоровье, избавлял от неудобных и мучительных проблем и

давал шанс стать отцом.

В кабинет неловко и боком протиснулся крупный мужчина в деловом костюме.

– Здравствуйте, доктор.

– Здравствуйте, голубчик. Проходите, присаживайтесь, рассказывайте.

* * *

Таков наш герой. А теперь перенесемся на несколько километров на юго-запад и познакомимся с Бэмби. Она совершенно очаровательна, как и ее прозвище.

* * *

Высокая стройная блондинка стояла перед зеркалом и рассматривала себя критичным взглядом. Серый деловой костюм сидел на ней вполне прилично. Светлые волосы забраны в низкий узел. Все очень строго и минималистично.

Она сегодня просто обязана произвести хорошее впечатление на потенциального клиента.

– Ольга Геннадьевна Зеленская, – представилась блондинка своему отражению, слегка кивнув, – вы готовы?

Отражение кивнуло. Это был явно утвердительный ответ.

– Ну что же, пора надевать шпильки для особых случаев.

Высокая стройная блондинка торопилась на важную встречу, но все равно опоздала – потому что столичные пробки. Она опоздала на целых пять минут и, едва переступив порог кабинета, поняла, что перед ней «слизень».

«Слизни» – это те, которые никогда не простят женщину за пятиминутное опоздание, будут вести беседу снисходительно, всячески подчеркивая свое преимущество, потому что «клиент всегда прав», «клиент – это тот, кто вас кормит», «хочешь получить заказ – постарайся меня умаслить», но при этом никогда не потратят лишней копейки на продукцию более высокого качества. Обязательно выберут самое дешевое.

Были еще «кузнечики», которые скакали из фирмы в фирму, и тут главное – клиента поймать и получить заказ, «бабочки» – их отличие от «слизней» состояло в том, что «бабочки» заказывали дорогостоящую продукцию и всегда хорошо за нее платили. Был еще редкий вид «бабочек-махаонов», которые от обычных отличались воспитанием и знанием делового этикета, ну и были просто «пчелки» – труженики. С «пчелками» вести диалог получалось лучше всего. Встречи со «слизнями» редко заканчивались удачно. А эта должна пройти хорошо – она на контроле у самого Ларионова. Но не прошла. После третьего напоминания об опозда-

нии и второго настойчивого приглашения «попить кофейку в хорошем кабаке» Оля резко встала и сказала:

– Спасибо за приглашение, но сегодня у меня еще две встречи, и одна из них, – она демонстративно посмотрела на часы, – через полчаса. Я вам на электронную почту пришлю расценки на заинтересовавшую вас продукцию.

– Скидки для крупного заказа не предусмотрены? – «слизень» перешел на холодный официальный тон.

– Этот вопрос решаю не я, – соврала Оля и широко, «по-американски» улыбнулась. – Уточню у Виктора Ивановича.

А как только села в машину, быстро набрала номер отца:

– Папа, ты где?.. Я буду у тебя минут через двадцать.

* * *

– Здравствуйте. Можно?

Стандартная фраза, которую десятки раз за день слышат врачи на своем рабочем месте. И врачи на это обычно отвечают, не поднимая головы, не отвлекаясь от заполнения очередной истории болезни, тоже стандартно: «Да. Входите». Но в этот раз Денис Валентинович Батюшко от бумаг оторвался и голову поднял. Потому что удивился.

Светло-серый костюм идеально сидел на идеальной фигуре. Нежно-розовая рубашка, длинные ноги, туфли на шпильке, золотистые волосы уложены в аккуратную прическу. И лицо – интересное, что уж там говорить, яркое, запоминаю-

щесся. На плече – сумочка, в руках – портфель для бумаг. Словом, образцовая модель для журнала «Деловая женщина». Если, конечно, таковой журнал есть – Дэн как-то не интересовался.

– Ну надо же, – он откинулся на спинку стула, сложил руки на груди. – Не скрою. Заинтриговали.

– Простите, не понимаю.

Фраза – обман, тон – тоже. Никакого прощения эта дама, весь облик которой вопил: «Я делаю большие дела, и у меня день расписан по секундам», – не собиралась просить. Такая фигура речи. Но Дениса она почему-то задела. И вообще, вся эта дамочка с первого же взгляда его не пойми чем раздражала. Как соринка в глазу.

– Неудачная поездка в Таиланд? – он смерил ее внимательным взглядом, от светлой макушки до каблуков.

– Я вас совершенно не понимаю, доктор.

– А чего же тут непонятного? Сегодня, когда я утром пришел на работу, на табличке рядом с моим кабинетом значилось: «Батюшко Денис Валентинович, врач уролог-андронолог высшей категории». Сейчас там что-то поменялось?

– Нет, – ответила блондинка спокойно. Но показалось, словно сквозь зубы. – Именно так и написано.

– В таком случае вывод один. Вы пришли на прием к андрологу. Никогда не думал, что скажу эту фразу, коль скоро практику в Шотландии не планировал, но куда деваться? Итак, поднимайте юбку. Я положительно заинтригован. Не

видел ни разу живого транссексуала. Впрочем, и мертвого тоже не видел.

Она какое-то время смотрела на него молча. А потом подошла к стулу у его стола, села, нога на ногу – чуть резковато.

– Я оценила ваше чувство юмора, Денис Валентинович. К вам сегодня на прием должен прийти мой отец. С вами договаривались по его поводу. Зеленский Геннадий Игоревич.

Улыбка сползла с лица Дениса. Точно. Забыл. Отец же вчера звонил, просил принять. Его старинный приятель, кажется, друг детства. Да, именно Зеленский.

– Ну и где, собственно, Геннадий Игоревич?

– Я – его дочь. И хотела бы сначала сама поговорить с вами.

Ну да. Поговорить. О чем? У вас есть пенис, уважаемая? Или, возможно, тестикулы? Дэн не стал этого произносить вслух – не оценила бы иронии, это он уже понял. Вместо этого сказал другое.

– Мне не о чем говорить с вами. Ваш отец здесь?

– Да. Он там, в коридоре.

– Ваш отец – глухонемой?

– Нет.

– Он недееспособен? Умственно отсталый?

– Господи, конечно, нет!

– В таком случае я буду обсуждать состояние здоровья мочеполовой системы Зеленского Геннадия Игоревича именно и непосредственно с Зеленским Геннадием Игоревичем.

– Вы не понимаете!

– Это ВЫ не понимаете! – Дэн повысил голос. – Я – врач для мужчин. Мои пациенты – те, у кого есть пенис и яички. Если вы не подходите под эту категорию, прошу освободить мой кабинет.

– Но речь идет о моем отце, и я...

– У меня прием расписан по минутам, – Денис демонстративно взглянул на часы на запястье. – Прошу вас, пригласите Геннадия Игоревича. Не тратьте понапрасну свое и чужое время.

Удар достиг цели. Ответный взгляд был холоден и полон презрения. Но она встала и вышла. Что, собственно, и требовалось.

* * *

Сначала Оля ждала отца в коридоре, потом вышла на улицу покурить. Вообще, обычно у нее с мужчинами получалось ладить гораздо лучше, чем с женщинами. Может, оттого, что жизнь научила ее самой быть немного... мужчиной. А этот носатый смотрел как на блондинку. Нет, она, конечно, и в самом деле светловолосая, но можно же было вести разговор цивилизованно.

Зазвонил телефон, на дисплее высветилось «Ларионов».

– Слушаю, Виктор Иванович.

– Как прошла встреча?

– Очень успешно, – соврала Оля, кинув окурок в урну. – Сегодня вечером отправлю все расценки, а через пару дней позвоню, чтобы узнать решение.

– Вы сейчас в офисе?

Оля посмотрела на стену больничного корпуса.

– Нет, у меня еще встреча, – и не соврала.

– Хорошо. Как освободитесь – перезвоните мне.

– Я поняла, Виктор Иванович.

На нос упала капля. Оля стерла ее пальцем. Вторая приземлилась на плечо, оставив темное пятнышко на ткани. Начинался дождь.

– Дочка, а ты что здесь мокнешь?

– А ты уже все? – Оля подняла глаза на отца.

– Все, – слегка кивнул головой он.

– Как все прошло?

– Нормально.

– Что сказал врач? Какое заключение? Какие лекарства? Или лекарства не нужны? – Оля засыпала отца вопросами, а он лишь немного смущенно улыбался, а потом сказал, взяв ее за плечи:

– Все в порядке, дочка. Я разберусь сам.

– Хорошо. Тебя подвезти в редакцию?

– Нет-нет, я сам, у меня еще... дела. А ты давай быстро в машину, не мокни под дождем. Тебе на работу надо, я же знаю.

Она проводила взглядом отцовскую спину. Он старался

идти бодро и уверенно. Оля смотрела на эту спину, и сердце сжималось. И щемило.

На работу надо, да. И шефу перезвонить обещала. Что он хочет узнать?

Когда отец скрылся из виду, Оля решила вернуться сюда к концу рабочего дня.

* * *

– Денис Валентинович, это Мария.

Дэн усмехнулся сам себе. То, что на аппарате отображался номер приемной, не останавливало секретаршу главного врача от кокетливого приветствия.

– Здравствуй, Маша, радость наша. Все ли благополучно в доме?

– Здравствуйте, – хихикнула секретарь. – Все хорошо, спасибо. Вас вызывает Георгий Михайлович.

– А я-то надеялся, что ты с благой вестью, – демонстративно вздохнул Денис.

Маша еще раз хихикнула. А потом враз посерьезнела. И отчеканила:

– Срочно.

Срочно он начмеду понадобился, надо же. Не к добру.

К добру было лишь то, что прием завершен. Денис запер дверь и направился на административный этаж. На сегодня он в поликлинике закончил, осталось еще раз заглянуть в

отделение.

В приемной помимо секретаря обнаружился хлипкий паренек, сиротливо приютившийся на краю дивана для посетителей.

Дэн кивнул Маше, покосился на дверь, из-за которой доносились громовые раскаты баса главного, и свернул налево, к кабинету начмеда.

– Приветствую, Денис Валентинович, – встал на его появление Смоленцев, радостно поблескивая очками и протягивая руку для пожатия. – Кофе будешь?

– О, даже кофе предлагают, – Денис пожал протянутую ладонь. – Дело плохо.

– Ну что ты такой пессимист, – хмыкнул начмед, садясь на свое место. – Может, я тебе подарок хочу сделать?

– Внимаю с восторгом и трепетом, – Дэн заложил ногу за ногу.

– Денис... – вздохнул Георгий Михайлович, привычным движением растер запястья. И сразу взял быка за рога: – Возьми интерна, а?

– Так я и знал!

– Ну раз знал – возьмешь?

– Мы же договаривались: я работаю один, без медсестры, все делаю сам, ставку вы делите, как вам удобно, – Денис с внешним спокойствием выкладывал свои аргументы. – В ответ вы не нагружаете меня интернами и прочей самодея-

тельностью. Было такое дело?

– Ну тебе же самому будет проще с помощником!

– Я работаю один, – произнес Денис медленно. Акцентируя паузы между словами.

– Денис... – начмед вздохнул и, решив не тратить напрасно времени, произнес: – Это не просто интерн. За него просили.

Дэн выдал Смоленцеву самый укоризненный взгляд, на который был способен.

– Он внук Паулины Леонтьевны! – принялся оправдываться Георгий Михайлович.

Денис наморщил лоб и память.

– Бывшая начальница департамента?

– Угу.

– Так ее же... лет десять назад... проводили на почетную пенсию. С большим трудом и не с первой попытки, насколько я помню.

– Одиннадцать, – поправил Смоленцев.

– Ну и какая вам теперь с нее корысть? – Денис поерзал в кресле, подергал плечами. Хондроз уже третью неделю вольготно гулял по всей спине и нынче обосновался в грудном отделе. Надо идти сдаваться Рудику.

– А что, должна быть корысть? – вяло огрызнулся начмед.

Дэн в ответ лишь фыркнул, а Смоленцев вздохнул обреченно.

– Она нам столько добра сделала, когда была в должности.

Очень много помогала, Денис, понимаешь?

– Ну, теперь-то она давно уже мирная пенсионерка, а не грозный чиновник. Помощи от нее никакой.

– А тебя добро помнить не учили?

– Меня лично в медакадемии другому учили, – Дэн зевнул, деликатно прикрыв рот. – А про добро что-то не припомню. Это на каком курсе давали? Может, я в тот семестр прогуливал много.

– Вот что ты такой противный, а?! – не выдержал начмед. – Невозможно с тобой договориться!

– Мне писать заявление об увольнении? – Денис протянул руку и взял со стола авторучку.

– Не лезь в бутылку! – рывкнул Смоленцев. – Я про твою суперпопулярность и мегавостребованность помню.

– А про обещанный в прошлом году «Вергланд»² помните?

– Тьфу на тебя! – раздосадовано выдохнул Георгий Михайлович. И замолчал, глядя поверх очков на своего визави.

Денис безмятежно встретил административный взгляд, неспешно щелкая ручкой. Какое-то время в кабинете слышался только этот звук.

– Ладно, – вздохнул начмед. – Ты берешь интерна, я покупаю аппарат.

Денис еще раз щелкнул ручкой. И озвучил оформившееся пять минут назад подозрение.

² «Вергланд» – выдуманный медицинский аппарат.

– А это не он там случайно в приемной сидит?

– Он. Не случайно.

Щелк-щелк.

– Хорошо. Договорились. При условии, что «Вергланд» появится в операционной в этом месяце.

– В следующем квартале!

Дэн лишь вздернул бровь.

– Да я сейчас в бухгалтерию позвоню!

– Жду, – Денис сложил руки на груди.

– Шустрый какой, – Георгий Михайлович потер шею под воротником рубашки. – Вот когда будешь на моем месте... – Дэн хмыкнул, а начмед лишь закивал энергично. – Будешь-будешь, судьба тебя обязательно накажет за твой вредный характер. Вот тогда и поймешь, на какие унижения приходится идти, чтобы выцарапать что-то из бухгалтерии. Иди. Мой позор должен остаться при мне. – И поскольку сидящий напротив врач не демонстрировал ни малейшего намерения уйти, повысил голос: – Что, не веришь мне на слово?

– Отчего же, – Дэн пожал плечами и встал. – Мужскому слову верю. Работа такая.

Начмедовское спасибо нагнало доктора Батюшко уже у двери.

На появление Дениса его будущий интерн вскочил. Дэн какое-то время молча разглядывал его. Густые русые воло-

сы, кажется, стрижены газонокосилкой, вихры во все стороны. Взгляд голубых глаз как у брошенного котенка. Росту от силы сто семьдесят. Мальчишка. Остается надеяться, что «Вер-гланд» того стоит.

Денис кивнул и, не оборачиваясь, пошел к выходу из приемной.

– Меня Тося зовут, – парнишка все никак не мог приноровиться к быстрому шагу своего начальника.

– Как? – Денис даже обернулся и посмотрел на собеседника. Нет, ну совсем пацан. Даже не бреется, наверное, еще. Неужели есть двадцать четыре?

– Тося, – тот робко улыбнулся. – Бабушка и мама так называют.

– Понятно. А паспортная служба как называет?

– Какая? А... Антон я. Антон Малин.

– По бабушке?

– Так это вы – Батюшко!

Денис вздохнул и остановился. На него смотрели широко распахнутые изумленные глаза.

– Отчество какое, Тося?

– Евгеньевич! – сообразил наконец парень. – Антон Евгеньевич Малин.

– Вот именно, – Дэн поднял указательный палец. – Здесь ты – Антон Евгеньевич Малин. А Тосю оставь бабушке.

«Дай бог ей здоровья», – про себя мрачно добавил Денис.

В офисе Олю ждал Ларионов собственной персоной. Владелец бизнеса.

И перезванивать не пришлось. Рекламная фирма не была его основной статьей дохода, скорее небольшим и удобным подспорьем. И делами ее Виктор Иванович интересовался постольку-поскольку. В общем, ежеквартально. До конца квартала времени было еще достаточно, так что внеплановый визит настораживал. Последующий разговор тоже получился непонятный. Вроде как владельца должны были интересовать показатели, и Ольга доложила о последних заключенных договорах и о том, что пользуется сейчас наибольшим спросом, рассказала об идеях для грядущих новогодних спецпредложений, но было полное ощущение, что Виктор Иванович ее почти не слышал. Лишь в самом конце поинтересовался:

– Это все?

– Все, – ответила Оля, закрывая папку с текущими договорами.

Ларионов кивнул головой и поднялся на ноги.

– Когда клиенты предлагают кофе, особенно если это клиенты по моей рекомендации, не стоит отказываться, – сказал он перед тем, как открыть дверь кабинета.

Оля поняла, что «слизень» нажаловался.

– Полностью с вами согласна, Виктор Иванович, – голос пришлось контролировать. – Если предложение звучит как сугубо деловое. К сожалению, эскорт-услуги моим контрактом не предусмотрены.

Они некоторое время смотрели друг на друга.

– Мне нужен этот человек, – резюмировал Ларионов и вышел.

* * *

– Денис, ты помнишь, какой сегодня день?

– Да, конечно, – будто он хотя бы один год забывал.

– Заедешь за мной?

– Слушай, пап... – Денис стоит у окна. Пейзаж откровенно уныл даже в городе. Что уж говорить о кладбище. – Дождь идет. Там грязь несусветная. Давай в другой день, – он не стал говорить, что жутко устал и что спина ноет, а до Рудика он так и не дошел.

– Воля твоя, – тон Валентина Денисовича сух. – Я и сам прекрасно доберусь.

– Не сердись, – чего и следовало ожидать. Отец будет верен себе до конца. – Я за тобой заеду. Ты работу закончил?

– Да, – в голосе Батюшко-старшего слышно удовлетворение, которое он и не пытается скрыть. – Бумажки пописываю. Денис, я конфеты и остальное купил. Жду тебя.

– Денис Валентинович!

Дождь прекратился – и то благо. А вот давешняя блондинка на крыльце, дочка Зеленского, – это сюрприз из разряда неприятных. Денис недооценил ее настырность.

– Слушаю вас. Только по возможности кратко – я тороплюсь.

– Давайте я вас подвезу.

Как же он это не выносил, категорически просто. Конечно, вся из себя такая крутая бизнесвумен на крутой тачке. И непременно надо всем и каждому это продемонстрировать. Машина у нее – наверняка какой-нибудь монстроидальный джип, из-за руля которого ее и не видно толком. И она его даже припарковать нормально не может. Зато всем и каждому сразу понятно, что у нее тоже есть яйца. Стальные причем. Комплекс Наполеона в действии: чем меньше пенис, тем больше машина. А уже если пенис вовсе отсутствует, а показать свою крутизну очень хочется...

– Прошу, Денис Валентинович, – молодая женщина приняла его молчание за согласие. – Вон моя машина.

Ну да. Дэн и не сомневался. Какой-то серый здоровенный выкидыш корейского автопрома. Чего же еще ждать?

– Она у вас, конечно, просто нереа-а-ально крутая, – он ничего не мог, да и не хотел, поделаться с издевательскими интонациями. – Но вряд ли в ее багажник влезет моя скромная шевролюшка. Или что, на веревке потащите?

– Что, простите?

– Ну вы же хотели меня подвезти? А я без своей машины никуда не поеду. Так что...

Она вздохнула.

– Простите. Я неудачно начала разговор. Денис Валентинович, что с моим отцом?

– Я все подробно рассказал... – Дэн поморщился, вспоминая имя-отчество, – Геннадия Игоревичу.

– А можно теперь то же самое рассказать мне?

– Нет.

– Почему?!

– Потому что есть такое понятие – врачебная тайна. Геннадий Игоревич Зеленский – вменяемый дееспособный человек. Если он захочет, чтобы вы знали о состоянии его здоровья – он вам сам расскажет.

– Он не стал мне ничего рассказывать, – голос ее прозвучал вдруг тихо. – Сказал, что все нормально. Но ведь это не так, правда?

Денис покачал головой.

– Ничем не могу помочь. Извините, меня ждут.

– Подождите, – она вдруг взяла его за локоть. – Пожалуйста. Денис Валентинович... Не знаю, как объяснить. Я очень переживаю за него. Я всю жизнь прожила без отца – так вышло. А недавно он появился в моей жизни. И оказалось, что я была нужна ему все это время, но... Там сложно, в общем. И он нужен мне. Очень нужен! Он нужен мне, нужен Никите. Никита – это мой сын. И я страшно переживаю, просто

страшно. Я не хочу потерять отца, когда только-только обрела его. И... – тут она выдохнула. Отняла руку. Отвернулась.

Да неужели такие все из себя сиятельные тоже умеют плакать?

– Послушайте... не знаю, как вас по имени-отчеству...

– Ольга, – она обернулась. Если слезы и пролились, то умело, без следов. – И можно без отчества. Просто я... – еще один выдох. – Мне нужно знать, что будет сделано все, все, понимаете, все возможное, чтобы с папой был полный порядок. Любые деньги, Денис Валентинович, если что-то нужно, вы только скажите... Пожалуйста...

Да что он выделяется, в конце концов? Не тот случай, когда стоит проявлять принципиальность. Тем более это приятель его отца.

– Что вы хотели узнать, Ольга... Геннадьевна?

– Что с ним? – быстро. – Какой диагноз?

– Точно я пока не скажу – нужны анализы и ультразвуковое обследование. Я выписал Геннадию Игоревичу направления. Вот сдаст анализы, сделает УЗИ – смогу сказать более определенно.

– То есть вы сейчас ничего не знаете?

Денис нахмурился. Подумал над целесообразностью. И все же ответил.

– Предварительный диагноз, судя по клинической картине, – аденома предстательной железы.

Она охнула, побледнела. Что ж такие слабые нервы у же-

лезных леди на крутых джипах?

– Аденома? Это же... опухоль?

– Доброкачественная, – уточнил Денис.

Женщина выглядела совершенно растерянной. Растерянной и расстроенной.

– Да не паникуйте вы раньше времени. Пока причин нет. Даже если это аденома – она эффективно лечится, уверяю вас.

– Да-да, – неуверенно кивнула Ольга.

– Вы меня извините, но я...

– Конечно! – спохватилась она, шагнула в сторону, освобождая дорогу. – Спасибо вам, Денис Валентинович.

– Пока не за что. Всего доброго.

* * *

Оля ненавидела нерезультативные дни. А сегодняшний день трудно было назвать результативным. Как в плане работы, так и в плане налаживания отношений с лечащим врачом отца. Нет, в конце доктор вроде бы смягчился, но все же это не совсем то, на что она рассчитывала.

Отец в жизни Ольги появился совсем недавно и неожиданно. Прямо как в песне поется – «нечаянно нагрянул, когда его совсем не ждешь». Просто однажды позвонил по телефону и сказал:

– Здравствуй, Оля. Я твой папа.

Она долго молчала в трубку, но все же не нажимала на отбой. Хотя очень хотелось. А еще хотелось сразу же задать очень много жизненно важных вопросов: «Вспомнил, что у тебя есть дочь? Почему теперь, а не тогда, когда нужен был больше всего на свете? А ты уверен, что после того, как бросил нас, все еще можешь называться папой? Где тебя носило все эти годы?»

Но ничего из этого Оля не сказала. Молчала. А в трубке прозвучал вопрос:

– Мы можем увидеться?

– Да, – ответила дочь после ощутимой паузы.

С этого все и началось.

Первая встреча с отцом произошла на нейтральной территории – Оля не пригласила его домой, не познакомила с внуком. Чужой человек, которого она помнит какими-то урывками. Зато прекрасно помнит истерики матери по поводу его частого отсутствия из-за командировок и вечной нехватки денег. А потом, когда уже отец окончательно исчез из их жизни, зато исправно платил алименты, в памяти прочно осели опять же материнские комментарии, что «деньгами пытается откупиться от родного ребенка».

Зачем она согласилась тогда на встречу? Ответ был прост. Все эти годы Ольге не хватало отца. И вот в один из первых летних дней они сидели на открытой веранде кафе в центре и пытались начать неловкую беседу. Оля со свойственной ей

прямолинейностью сразу же поинтересовалась:

– Где ты был все эти годы?

Оказалось, что далеко. Сначала в Санкт-Петербурге, тогда еще Ленинграде, потом и вовсе за границей – собственным корреспондентом одного из известнейших агентств новостей. Индия, после нее Иран. Про Иран даже книгу путевых заметок для туристов написал. А потом вот вернулся в Москву. На должность главного редактора одного из толстых ежемесячных журналов.

– Интересная работа, да и кочевать я устал, – закончил свой рассказ Геннадий Игоревич, помешивая ложкой остывший кофе.

– Ясно, – Оля допила свой, а потом щелкнула зажигалкой. – Не против?

– Так ведь нельзя.

– А пока слишком рано для посетителей. И официанта не видно.

– Не очень соблюдаешь правила? – слегка улыбнулся отец.

– Не очень, – ответила Оля, выпустив струйку дыма.

– А как же забота о здоровье?

– Поздно меня воспитывать, – усмехнулась она. – Что же не давал о себе знать?

– Твоя мама была против, – просто ответил он.

И Оля поверила. Сразу и безоговорочно. Она слишком хорошо знала свою мать. Телефон дочери он получил от старых знакомых, с которыми Ольга полгода назад случайно пере-

секлась по работе. Встреча подошла к завершению, как только сигарета была выкурена. Оба это чувствовали. Про Никиту не было сказано ни слова. Геннадий Игоревич так и не узнал, что у него есть внук.

— Ну что же, — Оля поднялась из-за стола и чуть было по привычке деловых встреч не протянула руку, — приятно было познакомиться.

— И мне... дочка, — Геннадий Игоревич тоже поднялся. — Я еще позвоню?

Дочь пожала плечами, не ответив утвердительно, но и не отказываясь.

Он позвонил.

Остановившись у сетевого супермаркета, она вышла из машины. Предстояло купить молока, хлеба, сыра, куриных грудок, еще чего-то... Изольда Васильевна ей с утра говорила, но голова была занята предстоящей встречей.

— Изольда Васильевна, — без приветственных обращений проговорила Оля в трубку телефона, — грудки, хлеб и молоко взяла. Что еще?

— Стиральный порошок, Оленька, и средство для мытья посуды. И салфетки бумажные тоже закончились.

— Поняла, спасибо.

Значит, стиральный порошок.

Тележка катилась вдоль длинных рядов с товарами и остановилась перед кондитерскими изделиями.

Овсяные печенья или шоколадные с орехами? Овсяные полезнее. Шоколадные с орехами любит папа. Хотя, может, ему теперь нужна специальная диета? А врач ничего не сказал. Вообще, как-то неудачно получилось сегодня с врачом. Наверное, не так надо было начинать диалог. Это все следствие малоуспешных утренних переговоров со «слизнем».

В тележку легли сразу и овсяные, и шоколадные.

* * *

– Ну вот я и пришел, Валечка.

Разговаривать на кладбище отец стал не так давно, лет пять назад. Говорил негромко, вполголоса, обращаясь к памятнику. Поначалу Денис дергался, потом привык. В конце концов, у отца уже такой возраст, когда легкие чудинки простительны.

Заходить в оградку Денис пока не стал, отошел в сторону, покурить. Вообще он не курил. За редчайшими исключениями. Но на кладбище – всегда. Если быть точнее, с восемнадцати лет.

Отец, увидев сына-первокурсника с сигаретой у третьего слева надгробия, ничего не сказал. К тому моменту Вали Батюшко не было на этом свете уже семь лет.

Валентин и Валентина. Красивая и яркая пара. Оба талантливые и перспективные, фанатики своего дела, оба веселые, легкие на подъем, умницы и заводилы. Ее не ста-

ло в один миг, на скользкой дороге, ведущей из Костромы в столицу. Валентина Батюшко возвращалась с коллегами с выездной конференции микробиологов. Мокрый асфальт, дождь стеной, усталость водителя. Вылетевший на встречную МАЗ смял пассажирскую «газель» в гармошку. В этой жуткой аварии в микроавтобусе выжили двое. Вали Батюшко среди них не было.

Денис мало что помнил про то страшное время. В гибкой детской психике сработали спасительные предохранители. Закрытый гроб и небритый отец – вот все, что отложилось в памяти. Бриться с тех пор Валентин Батюшко перестал. Не стало для кого.

Хотя женщины вокруг него всегда были потом. И даже приходили домой иногда, варили супы и гладили рубашки. Но долго не задерживались. А после сорокалетия отца и вообще исчезли.

К тому моменту Денис считал себя уже достаточно взрослым, чтобы понимать все про мужчин и женщин. Такой возраст – пятнадцать лет, когда все-все знаешь и понимаешь лучше всех. И был уверен, что не осудит отца, если тот вдруг решится все-таки устроить свою личную жизнь. Да только была и другая уверенность – более тайная и более крепкая, – что отец этого не сделает.

Они так и жили вдвоем. И друг для друга. Денис как-то остро и рано понял, что не должен по пустякам беспокоить отца. Видел, как много тот работает. И не только, чтобы

иметь достаток в доме, это было не причиной – следствием. Валентин Денисович жил и дышал своим делом. И оно же было его спасением. Работа и сын.

А сын привык со всеми своими бедами и проблемами справляться сам. Уроки – сам. Обед приготовить – сам. С пятого класса. И картошку отцу на ужин пожарить, его любимую, дольками. Все нештатные ситуации – тоже сам. После отита на физиолечение – сам. Распоротую гвоздем руку забинтовать – сам. Даже с фимозом сам справился в тринадцать лет, методом радикальным и немного кровавым, но тем не менее справился. Хотя на работу к отцу, в Бурденко³, с удовольствием приезжал. Жаль, не приветствовалось это.

В одиннадцатом классе Денис не стал говорить отцу раньше времени, что есть шанс на аттестат с отличием. Потом забыл, а у отца в июне конференция международная в Мюнхене. Вернулся аккурат к выпускному. Денис не видел блеснувших на глазах Валентина Денисовича слез, когда сыну вручили-таки аттестат с отличием. Но обнял потом отец крепко-крепко.

– Дениска! – Батюшко-старший махнул рукой, привлекая внимание сына. – Хватит дымить. Иди, я все приготовил.

– Сейчас, иду.

Серый дым улетел в серое небо. Денис повернул голову и посмотрел на фото старухи в темном, низко повязанном

³ Бурденко (здесь) – Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко.

платке. Именно у ее могилы Денис обычно курил. Захоронение не выглядело заброшенным, но приезжали сюда, скорее всего, раз в год. Когда там полагается, на Троицу, что ли. Фамилия на табличке уже порядком изъедена ржавчиной, зато имя и отчество читались вполне отчетливо: Ефросинья Димитриевна. Именно так, через И – Димитриевна. И дата рождения – уже больше ста лет назад. Денис не знал, можно ли на месте последнего упокоения курить или это запрещено какими-нибудь ритуалами, которых в отношении смерти тьма. Не знал и знать не хотел, потому что был человеком светским, а смерть понимал прежде всего в анатомическом и физиологическом смысле, а уж никак не в ритуальном. Но все же ему казалось, что старуха с железного памятника смотрит на него неодобрительно.

Окурок он втоптал в мокрую землю.

– До встречи, Ефросинья Димитриевна, – Денис сунул руки в карманы короткого пальто и двинулся к своим.

Валентин Денисович сидел на скамейке, держа в одной руке чекушку водки, а в другой – пластиковый стаканчик. Похожий, только стеклянный, стоял у основания памятника, прикрытый прямоугольником печенья. Рядом высилась яркая горка конфет.

– Садись, Дениска, – отец похлопал по скамейке. – Я вытер, сухая.

Дэн послушно устроился рядом. Кивнул отцу, взглядом выражая, что с ним, – тот выпил залпом и разломил пополам

печенье. Свою половинку Денис не стал есть, держал в руке и задумчиво смотрел на фото на памятнике. Рядом оглушительно каркнул ворон. Птица сидела на вершине креста в паре метров. И явно ждала, когда люди уйдут и можно будет заняться принесенным лакомством. Кладбищенские вороны считали, что угощение приносят именно им.

Снова начал накрапывать дождь. Ворон еще раз каркнул. Денис отвел взгляд от памятника. У него такие же глаза, как на этом фото.

– Переночуешь у меня? – отец старательно очищал от грязи обувь, прежде чем сесть в машину сына. – Помянем вдвоем.

Денису тягостны эти поездки, но каждый год он едет сюда. А потом, как правило, остается у отца. И сегодняшний день не станет исключением.

– Конечно. Расскажешь мне, что у вас там за история с томографами?

– Расскажу. Это, сынок, детектив целый! – бодро отозвался Валентин Денисович, с удовольствием возвращаясь на стезю профессиональную. Они до позднего вечера будут говорить на медицинские темы, ни словом не обмолвясь больше о том, какой сегодня день. В который двое взрослых мужчин так остро нуждаются друг в друге.

Оля припарковалась у дома и вытащила из багажника пакеты с эмблемой супермаркета. Главное, донести все это до лифта. Привычно справилась. Дома дверь открыли почти сразу.

– Оленька, да как же ты все это на себе?

– Не на себе, Изольда Васильевна, – на машине. Никита дома?

– Дома, где же ему еще быть? Только что покушали. И уроки уже сделаны.

– Отлично, – Оля с облегчением сбросила ненавистные шпильки.

Плохо они сыграли сегодня свою роль. И вообще, пора бросить эту затею – изображать из себя успешную бизнес-леди.

– А котлетки еще горячие, так что быстро мой руки и к столу.

– Сейчас, только костюм сниму, – ответила Оля из детской. Никита лежал на кровати и играл в роботов.

– Привет, – сказала Оля сыну.

– Ага, – ответил сын.

Она постояла некоторое время в проеме двери, любуясь на лохматую макушку, а потом пошла переодеваться.

Котлеты и правда были еще теплыми, когда Оля села за стол, и очень вкусными.

– Изольда Васильевна, я завтра денег оставляю, у вас, наверное, на расходы уже ничего не осталось. Никиту постричь надо.

– Сделаем, Оленька, и еще им по школе сказали купить какую-то рабочую тетрадь в интернете, я все записала, вот, – женщина протянула записку.

– Спасибо, я сегодня вечером закажу.

Через полчаса Оля закрыла за Изольдой Васильевной дверь квартиры и снова зашла в детскую, села на край кровати.

– Мам, а тебе какой робот нравится больше: синий или красный?

– Никита, я в них не сильно разбираюсь.

– А ты просто внимательно посмотри и скажи.

Оля вздохнула. Роботы-конструкторы для нее все были на одно лицо.

– Красный, – сказала она.

– А почему?

– Потому что у него молния красивая на руке.

– Мне тоже больше нравится красный.

Часы показывали начало двенадцатого ночи, и большинство окон дома напротив были уже темными. Оля пила на кухне чай. Никита давно спал, прослушав очередную главу

сказочной повести про отважных викингов, а ей не спалось.

Какой нервный и бестолковый день. И отец ничего ей так и не рассказал. Оно и понятно: проблема очень деликатная, и, конечно, он стесняется, но все же... Да, на часах позднее время. Однако Оля знала, что Геннадий Игоревич – сова и никогда не ложится раньше часа ночи, поэтому решила и позвонила:

– Привет, папа. Не разбудила?

Глава 2. Casus ordinarius

4

Бесперспективность наречения интерна по отчеству Денис осознал очень быстро. На второй же день «Евгеньевич» от «Антон» отпал как хвост от удирающей ящерицы. Ну какой, в самом деле, этот щуплый и вихрастый пацан – Антон Евгеньевич? Никакой. Это стало совершенно очевидно, когда новый обитатель освоился в кабинете Дэна и со своим местом в нем.

О том, что интерн освоился, сообщили вопросы, которые парень спустя несколько дней все-таки решился задать. До этого он лишь косился на экспонаты коллекции Дэна, старательно пряча удивление и делая вид, что все так и должно быть. А потом не утерпел.

– А это... какой материал? – вопрос был нейтральным и по смыслу, и по тону, но с недавнее Антона любопытство в нем звучало совершенно явно.

– Оникс. И его зовут Анатолий.

– У него еще и имя есть?! – Малин ошарашенно уставился на искусно выточенный из бледно-желтого с коричневыми и зелеными вкраплениями камня фаллос в натуральную величину и в «боевом» положении.

⁴ Casus ordinarius (лат.) – обычный случай.

– Ну надо же их как-то различать, – невозмутимо ответил Денис, стягивая халат с плеч.

– А... а зачем вам столько? – задал интерн вопрос, который его больше всего интересовал.

– Все, что нажито непосильным трудом! – Дэн достал из шкафа верхнюю одежду. – И куртки замшевых – три!

Представитель другого поколения то ли цитату не узнал, то ли в контекст разговора поместить не смог. И Денис смиловился до объяснений.

– Подарки и подношения от благодарных чудесно исцеленных пациентов. Которые после визитов ко мне смогли ходить, говорить и делать другие вещи. Другими частями тела. Вот этими как раз, – кивнул на Николая, который кроме как на стол никуда не поместился.

– Ого, – Антон почтительно присвистнул. И добавил задумчиво: – Интересно, а у других врачей тоже такие... благодарные пациенты? У гинекологов, например?

– Это вряд ли, – Денис протянул Малину его куртку и закрыл шкаф. – У меня сокурсница – акушер-гинеколог, заведует женской консультацией. Бывал как-то по случаю у нее в кабинете, там сплошные аисты и капуста. Все прилично. Это только мне такой гешефт. За все грехи мои.

– А что, так много нагрешили? – спросил Антон с улыбкой. И она быстро исчезла, когда интерн осознал, что задал шефу слишком личный вопрос.

– Видимо, достаточно, – спокойно ответил Денис. И

неожиданно для себя спросил: – Тося, до метро добросить?
– Если нетрудно! – обрадованный Малин стал спешно надевать куртку.

– Нетрудно. Не на себе же тебя потащу.

Собственную не свойственную благотворительность Денис объяснил себе очень просто. Во-первых, все равно по дороге. А во-вторых, парень показал себя вполне положительно. Старательный, пунктуальный, спокойный. Вдвоем в самом деле веселее, и польза какая-никакая есть. Таки прав оказался Смоленцев.

Правда, Дэн еще не знал обо всех талантах своего интерна.

У метро Антон, как вежливый мальчик, поблагодарил шефа.

– Спасибо, Денис Валентинович! До свидания.

– До завтра, Тося.

И опять Тося. Что ты будешь делать?!

* * *

Отец тогда перезвонил. Через неделю. Разговор «ни о чем», как называла подобные беседы Оля. «Как дела? – Как здоровье? – Как работа?». Как-как? Как обычно. Дел и забот столько, что не успеваешь разгрестишься – только закончишь с одним, начинается другое. Здоровье соответствующее: и поболела бы недельку, да некогда. Из-за работы как

раз и некогда, и сына на ноги ставить надо. Нет в доме других кормильцев, только она – Оля. Но разве все это расскажешь незнакомому человеку на том конце провода, пусть он и называет себя... отцом. Поэтому отвечала односложно: «Нормально... нормально... все нормально».

А он снова перезвонил. И после обязательных вопросов стал вдруг рассказывать о своей новой работе, о журнале, о том, как много талантливой пишущей молодежи, и о том, как часто он не понимает современную литературу.

– Понимаешь, какая чехарда получается, – говорил Геннадий Игоревич, – и вот чувствую, что-то в этом есть – мысль, яркость, но они пишут о современности, а я эту современность не знаю. Я, наверное, так и не перешел в двадцать первый век, живу в понятном мне двадцатом. А журнал хочется сделать передовым или, как сейчас говорят, востребованным. Меня взяли за опыт и профессионализм, но, кажется, этого мало. А еще от прежнего редактора мне поэты достались, как говорится – с нервом. Что с ними делать? Ума не приложу.

Оля, сама не зная почему, вдруг сказала:

– А покажи мне этих поэтов... с нервом.

Нет, она не была знатоком литературы, читать любила, но когда позволяло время, а времени на себя оставалось не так уж и много. Да если и читала, то явно не «поэтов с нервом», а либо женскую литературу, либо женскую поэзию. Женская поэзия часто вообще заменяла всю литературу. Аристокра-

тичная Ахматова, яркая Цветаева, простые, незамысловатые, но такие понятные Маргарита Агашина и Лариса Рубальская. А еще особняком – Вероника Тушнова.

Нет у Оли времени на литературу, только в отпуск брала с собой стопку романов и детективов. А стихи... несколько строк – и целая история, судьба. Перед тем как лечь спать, открыла наугад страницу, прочитала про свое, женское, почувствовала, что не одна, и как-то светлее на душе. Можно выключать ночник и закрывать глаза.

– Тебе это интересно? – на том конце голос едва заметно дрогнул.

Ольга привычно пожала плечами и щелкнула зажигалкой, предусмотрительно открыв форточку.

– Честно говоря, совсем не разбираюсь в современных поэтах, да и в литературе тоже, но взглянуть любопытно.

– Я тогда передам... когда? Завтра? Послезавтра?

Хотела ответить «без разницы», а получилось:

– Давай завтра, в кафе, где встретились.

С тех пор то кафе стало местом их встреч. И как-то незаметно, потихоньку отец и дочь начали общаться. И нашлись общие темы, и даже взгляды на жизнь обнаружили схожие. И даже со стихами удалось разобраться. Потому что совершенно случайно объявился эксперт – Изольда Васильевна.

Кто бы мог подумать, что эта преклонных лет дама с удовольствием читает сетевых поэтов и знает многие современные имена? И даже имеет собственное мнение на их творе-

ния?

Увидев у Оли дома листы со стихами, Изольда Васильевна нацепила на нос очки и со словами «любопытно-любопытно...» села за изучение. Из пяти гениев трех отмела, а от двоих пришла в восторг.

«Вердикт Изольды» был передан Геннадию Игоревичу при следующей встрече, Геннадий Игоревич пожелал непременно познакомиться «с сим заинтриговавшим его литературным экспертом». И Оля познакомила. Пригласила к себе домой на чай.

Так Геннадий Игоревич узнал о существовании внука.

* * *

Денис смотрел на седой затылок. Зеленский сидел напротив, низко наклонив голову. Волосы у него хоть и почти сплошь белые, но очень густые. И кудрявые.

– Значит, это опухоль, – глухо произнес Геннадий Игоревич. И все-таки поднял лицо. Бледный, и как-то вдруг резко стал виден возраст.

– Доброкачественная, – поправил Денис. Дежавю просто разговора с его дочерью. И многими другими разговорами, которые случались после постановки диагноза «аденома предстательной железы». – Мы же с вами предполагали такой вариант развития событий.

– Да, но...

Люди верят в чудо. До последнего верят. А некоторые верят даже после того, как всякая надежда на чудеса должна исчезнуть.

– Никаких «но», Геннадий Игоревич. Все в наших руках. Вы же насчет операции не передумали?

– Нет, – вздохнул тот. – Куда деваться. Лягу под нож.

– Да что вы! – Денис улыбнулся. – Я вам обещаю – капли крови не прольется. Я как чукотский охотник – с трехсот метров белке в глаз, чтобы шкурку не попортить. Не испорчу шкурку, обещаю.

Зеленский все же рассмеялся.

– Веселый вы человек, Денис Валентинович.

– А что же, плакать, что ли? Ну так как, решаем все подготовительные вопросы и на следующей неделе ложимся, договорились?

– Договорились, – кивнул Геннадий Игоревич. И после паузы: – Спасибо.

* * *

Оля дала несколько дней «слизню» на раздумья, а потом позвонила узнать ответ на коммерческое предложение. Несомненно, позвонить первой должна была она. После разговора не осталось сомнений и в том, что ее звонок ждали.

– Так как насчет кофе? – поинтересовались в трубке.

Оля сосчитала до пяти.

– В полдень. И у меня будет ровно тридцать минут, – сказала она отрывисто.

На том конце удовлетворенно хмыкнули. Этот мужчина был уверен в своей победе. Потому что он нужен Ларионову.

Причину такого интереса удалось узнать через пару дней, когда шеф дал задание разработать рекламную концепцию для маленькой подмосковной базы отдыха.

– А кто заказчик? – поинтересовалась Оля.

– Я, – прозвучал краткий ответ.

Когда же часом позже она зашла на сайт этой базы, то обнаружила, что посетителей с приветственной речью ниже встречает улыбающееся лицо «слизня» – Андрея Золотарева.

В голове сразу возникли вопросы: Ларионов покупает бизнес или становится партнером?

Впрочем, сейчас ей этого никто не скажет. Ясно только одно: конфликта со «слизнем» ей не простят, и на место директора рекламной фирмы найдут кого-то другого без раздумий, несмотря на десять лет добросовестной работы.

Оля вздохнула, встала из-за стола и поехала пить кофе с человеком, который, без сомнения, вести себя будет безобразно. Но и не таких обламывали. Он заказывал что? Рекламу для своего автосалона за сто километров от Москвы, который, как предполагала Ольга, на ладан дышит. Потому что продажи машин по всей стране снизились.

И, соответственно, денег на настоящую маркетинговую

кампанию у него нет. Говорить о подарках каждому покупателю не приходится. В лучшем случае – рекламный модуль в местную газету, на городской сайт и листовки.

– Вот вы и пьете со мной кофе, Оля, – довольно заметил Золотарев полчасика спустя.

– Ольга Геннадьевна.

– Какая колючая.

– Я на работе, Андрей Николаевич, и хотела бы узнать, что из предложенных позиций по рекламе автосалона для вас интересно, а что – нет.

Оля говорила четким официальным голосом, демонстративно открыла блокнот и взяла в руки карандаш, всем своим видом показывая, что готова вести беседу только по существу.

– А что насчет обещанных скидок?

Ей не хотелось играть ни в кошки-мышки, ни во что другое, поэтому пришлось поднять глаза на своего собеседника и сказать:

– Меня предупредили, что вы важный для нас клиент и что к вам нужно проявить особое внимание. Давайте сделаем вот что: вы мне озвучиваете цифру, которую готовы потратить, а я разработаю для вас наиболее оптимальное предложение... Даже не так, три разных пакета предложений на выбор.

Золотарев ответил не сразу, сначала задумчиво постукивал пальцами по чашке, а потом все же проговорил:

– Хорошо, Оленька, я подумаю над цифрой и озвучу ее вашему шефу. Еще кофе?

Она отказалась, сославшись на то, что опаздывает. И между прочим, не врала. Ей надо было успеть в больницу.

После встречи с Золотаревым остался неприятный осадок. Иногда Оля чувствовала, что очень устает от людей, не от всех, конечно, но вот от таких – точно. Они встречаются везде: на работе, на улицах, в магазинах – наглые, скользкие, противные. Она устала ставить их на место. А не ставить не могла. Такие первым делом смотрят на правую руку и наличие обручального кольца. А кольца-то и нет. Значит, все можно? «Слизень» решил, что точно можно.

Перед тем как повернуть ключ зажигания, Оля посмотрела на себя в зеркало. Усталый взгляд и мешки под глазами. Надо было с утра тональным кремом замазать – не успела. Ну да что теперь? Главное, успеть в больницу до того, как врач уйдет домой.

И врач этот еще тоже... Как себя с ним вести? Нет, то, что воспитанно, – это понятно. Это обязательно. Но как-то не заладилось у них при первой встрече. Не слишком он церемонился. Да совсем не церемонился, если говорить откровенно.

И какую линию поведения с ним выбрать, Оля не знала. Вот как со «слизнями» – представляла, а как с «Денисами Валентиновичами» – нет.

«Вежливо», – решила наконец. Просто вежливо. В конце

концов, этот человек будет делать операцию ее отцу.

* * *

– Последний на сегодня, – отрапортовал Антон, разглядывая дневку. – Василий какой-то.

– Ждем Василия, – кивнул Денис. – Что-то не торопится к нам Васенька, – перевел взгляд на часы. – А ты иди пока с бумагами закончи.

Интерн скрылся в смежном кабинете, а в этот же момент раздался стук в дверь.

– Заходите, – Денис не стал дожидаться вопроса «Доктор, можно?».

Васенька оказался отменной упитанности мужчиной с артистической небритостью и твидовым пиджаком. Он довольно решительно вошел в кабинет и потом вдруг замер.

– Присаживайтесь, – пригласил Дэн. Но его приглашение проигнорировали. Пациент пристально разглядывал доктора. Доктор в это же время делал свои практически всегда безошибочные выводы по поводу появившегося в его кабинете человека и проблем, которые его сюда привели.

– Скажите, доктор, – начал тот вдруг резко. – А анонимно у вас консультацию получить никак, да?

– Почему же? – Денис пожал плечами и раз в пятый, наверное, за день поморщился. Все, завтра же зайдет к Рудик. – Помимо работы здесь я консультирую еще в двух част-

ных клиниках. Раз в неделю в каждой. Вы можете подойти туда. И там будет анонимно, если вам угодно. А здесь – контора государева, такие порядки.

– Нет, еще раз куда-то идти я просто не решусь!

Мужчина шумно выдохнул. И словно весь как-то сдулся и поник. Понуро прошел к стулу, даже ногами шаркал для полноты картины.

– Слушаю вас, – подбодрил пациента Денис. – Что вас беспокоит?

Дэн примерно предполагал, что сейчас услышит, но Василий не торопился подтвердить предположения доктора. Вместо этого он вдруг стал заливаться густым девичьим румянцем, который проступал даже сквозь небритость.

– Понимаете, доктор... – наконец заговорил он сиплым шепотом. – У меня... он... – вздохнул и заключил едва слышно: – Стоит плохо.

– Угу, – невозмутимо кивнул Денис. – И висит криво.

– Доктор! – Васенька вскинул на него свои совершенно воловьи ресницы. В глазах стояла почти детская обида.

– Разберемся, – не позволяя себе улыбку, кивнул Денис. – Проходите за ширму и освободите от одежды место осмотра. – И, обернувшись к двери в смежное помещение, окликнул: – Тося!

Уже дошедший до ширмы пациент ойкнул и рефлекторно прикрыл пах, а Денис чертыхнулся про себя. Все-таки прилипло это нелепое «Тося» к парню. Наверное, надо смирить-

ся.

Жизнерадостный Малин показался в дверях, деловито натягивая на руки латексные перчатки. Румянец Васеньки стремительно стал сменяться бледностью. Половина щеки красная, половина белая. Денис полюбовался на эти колористические переливы, а потом кивнул интерну.

– Перчатки снимай. Садись – сейчас будем карту заполнять, – и, подхватив замершего столпом Васеньку под локоть, повлек его за ширму. – Не волнуйтесь. Тося – это всего лишь мой помощник. Никто тут вас не обидит.

Главный парадокс своей профессии Денис для себя определил так: в его кабинете большинство мужчин, в том числе и самые brutальные и мужественные на вид, почему-то чувствовали себя маленькими беспомощными детьми. А было бы из-за чего. Дело-то житейское.

После осмотра Василий, решив, видимо, что ничего хуже с ним уже не случится, заметно расслабился и бодро отвечал на стандартные вопросы.

– А скажите мне, голубчик, – Денис глянул мельком на то, что писал Тося. Хороший у парня почерк, еще не испортился. – За время, начиная с того момента, как у вас появились данные проблемы, вы как-то пытались лечиться самостоятельно?

Василий энергично и отрицательно замотал головой. И Денис ему тут же не поверил.

– Что, и виагру не принимали? – поинтересовался вкрад-

чиво.

– Ну так оно же... это... ну как бы... – Вася снова выказал намерение залиться румянцем.

– Да или нет?

– Да, – потупил очи Васенька.

– В каком объеме и какой период?

– Да я не помню.

Так, тут надо иначе.

– Выписывай направления, – кивнул Тосе. – Бланки слева. Помимо стандартного набора – консультация кардиолога и ЭКГ.

– Зачем это? – встрепнулся Вася. – У меня все в порядке с сердцем!

– Мой хороший друг и коллега, кардиолог с двадцатилетним стажем, с вопроса «Виагру пили?» начинает свой прием, если пациенту больше пятидесяти лет.

– Мне сорок три! – возмутился Василий.

– А я перестраховываюсь, – невозмутимо парировал Денис. – Жду вас с результатами.

* * *

– Неужели они эти таблетки вот так просто пьют? – Тося был полон любопытства. Парень вообще все происходящее в кабинете Дениса воспринимал как увлекательный спектакль. Непонятно пока только, какую интерн сам себе отводил роль

в этом представлении.

– Еще как пьют, – кивнул Денис. – Проще же таблеток купить, чем к врачу прийти. Да еще бак всяких, анекдотов наслушаются.

– Каких? – Малин подпер ладонь щекой.

– Не слышал, что ли? – усмехнулся Денис.

– Нет.

– Ну, например, такой. Приходит пациент к доктору с жалобой на эректильную дисфункцию, мол, семейная жизнь вообще под откос летит. Врач ему выписывает таблетки. Через месяц пациент приходит и начинает благодарить: «Ой, доктор, спасибо, такие чудесные таблетки!» – «Что, жена довольна?» – «А дома я еще не был».

Интерн звонко и заливисто рассмеялся. И осекся под взглядом Дэна.

– Смешно же.

– Не очень, – отрезал Денис.

* * *

В больницу Оля успела и даже посидела в коридоре, ожидая, пока из кабинета выйдет последний пациент. Только после этого постучала в дверь, а затем вошла.

На месте врача за столом сидел худенький вихрастый паренек, который на доктора не тянул никак.

– Добрый вечер, а вы тут один? – спросила Оля.

Паренек ничего не ответил. Он поднял голову, открыл рот, чтобы что-то сказать, да так и замер, глядя на нее. И рот забыл закрыть.

– Его одного пока рано оставлять, – слышался знакомый голос откуда-то со стороны. Оля повернулась и увидела смежную дверь, из которой вышел Денис Валентинович. – Здравствуйте, Ольга. Вы по поводу операции, я так понимаю?

Она подтверждающе кивнула головой.

– Тося, кыш, – обратился к пареньку врач, и того как ветром сдуло. В ту самую смежную комнату.

– Здравствуйте, Денис Валентинович, – начала говорить Оля, которая решила быть очень вежливой. – Да, я по поводу операции.

Доктор тоже решил быть вежливым и жестом предложил сесть.

– Я вас слушаю.

Оля села и начала задавать самые разные вопросы: про саму операцию, про то, сколько дней отец проведет в стационаре, о послеоперационной диете, возможности его посещения и о многом другом.

А Денис Валентинович так как-то по-рабочему и очень ровно отвечал, что операция бескровная, бояться нечего, через два дня после нее выпишут, а вот диету придется некоторое время соблюдать и в первое время даже отказаться от управления автомобилем.

И весь этот разговор был какой-то совершенно спокойный и обыденный, словно ничего особенного и не намечалось, как будто они обсуждали, что надевать, если завтра будет проливной дождь.

И главное, он сказал: «Ничего резать не будем».

Прямо так и сказал.

А когда уже добавил, что ложиться в больницу надо за сутки до операции, Оля сразу поняла, что разговор закончен, и поднялась со стула со словами:

– Я все поняла, Денис Валентинович. Спасибо. Значит, через два дня?

Сказала и подала для пожатия руку. Он некоторое время с легким удивлением в лице смотрел на ее протянутую ладонь, а потом все же взял и слегка пожал.

Только после этого Оля поняла, что, наверное, так делать было не надо. Жест получился рефлекторный. Пожатие рук почти всегда сопровождает завершение деловых встреч, и вряд ли этому человеку в его кабинете протягивали руку женщины. Но он пожал и даже ободряюще сказал:

– Через два дня. Все будет в порядке, не переживайте.

И, пожалуй, Оля даже была ему благодарна за сглаживание этой едва уловимой неловкости. Все-таки вежливость – это настоящее и очень действенное оружие.

Она кивнула на прощание и вышла из кабинета. Уже закрывая за собой дверь, Оля услышала грохот и обрывок разговора:

– Тося, что там у тебя?

– Потап упал.

* * *

– Ну что, Геннадий Игоревич, как настроение?

– Прекрасное.

Денис такому ответу не поверил. Но не мог не отдать должного – держался Зеленский после первой в жизни клизмы молодцом.

– Нет ничего лучше, чем пациент в прекрасном расположении духа накануне операции. Ну, тогда через полчаса... – Денис посмотрел на часы и поправил себя: – Точнее, через сорок минут назначаю вам свидание в операционной.

– Хорошо, – мужчина еле слышно вздохнул. – Через сорок минут – значит, через сорок минут.

Дэн внимательно посмотрел на своего пациента. Волнуется. И, как и половина мужчин в такой ситуации, всячески скрывает свое волнение.

– Не переживайте, Геннадий Игоревич. Все сделаем без шума и пыли. Даже скальпель в руки брать не буду, честное хирургическое.

– Я помню, – неуверенно улыбнулся Зеленский. – Трансцендентальное чего-то там.

– Трансуретральная резекция! – Денис поднял вверх палец. А потом легко сжал Геннадию Игоревичу плечо – Все.

Будет. Хорошо. До встречи в операционной.

В дверях Денис посторонился, пропуская медсестру. Помимо клизмирования пациенту Зеленскому еще предстоит перенести бритье паха. Но в стойкости духа Геннадия Игоревича Дэн не сомневался. Да и медсестра хорошенькая.

Правда, в данной ситуации это может оказаться не плюсом, а скорее минусом.

Анестезиолог кивнул, и Денис начал вводить трубку. По мнению Дэна, за изобретение резектоскопа надо было давать Нобелевскую премию. Почти ушли в прошлое мясницкие полостные операции, сроки реабилитации сократились в разы, нагрузка на хирургов тоже резко уменьшилась. Красота просто.

Денис теперь выполнял только такие операции. Он съел на них собаку. Конечно, за спиной шептались, что Батюшко отхватил себе самый перспективный пласт работы. Но он был первым в отделении, кто освоил эту технологию, и до сих пор считался лучшим специалистом клиники по ТУР⁵. И, наверное, только по этой причине его персональное кладбище оставалось до сих пор пустым. Самое тяжелое, что ему выпадало, – повторные операции после рецидивов. Но и с этим Денис прекрасно справлялся. «Верный глаз и твердая

⁵ ТУР – трансуретральная резекция, операция, выполняемая путем введения в мочеиспускательный канал резектоскопа (волоконно-оптическая трубка), с помощью которой происходит удаление тканей.

рука», – не без доли отцовской гордости шутил над ним Валентин Денисович.

У которого, к слову сказать, счет летальных случаев шел уже десятками. Но для нейрохирурга с тридцатипятилетним стажем и несколькими командировками в места боевых действий и серьезных природных катастроф – не так уж и много.

А вот Денису повезло. И он не собирался ничего менять в своей профессиональной деятельности. Зачем что-то менять, если человек на своем месте. Ставка в поликлинике, полставки в стационаре, консультации в двух частных клиниках – более чем достаточно. И для кармана, и для души.

Спустя полтора часа Геннадия Игоревича увезли в палату, а Денису сообщили, что его спрашивала дочь Зеленского. Барышня явно не собиралась ничего снимать с личного контроля. А впрочем, это нормально. Дочь должна переживать за отца. Кивнув анестезиологу, Дэн вышел из операционной.

* * *

Холл в отделении был отлично оборудован – все для родственников и друзей: мягкие кресла и диваны, телевизор, кулер с водой, автоматы с кофе. Абсолютно все, даже вежливый персонал за стойкой. Вот только люди в этом холле по большей части бледные, нервные и часто глядящие на настенные часы. Ждущие окончания операции.

Оля не была исключением. Уже три кофе, стрелка на ци-

ферблате движется медленнее обычного, зато телефон разрывается. Оно и понятно: рабочий день.

– Ольга Геннадьевна, звонили из типографии, сказали, что не успевают выполнить заказ к сроку.

– Ольга Геннадьевна, тут ручки с логотипами для банка привезли без сопроводительных документов. Братъ?

– Ольга Геннадьевна, звонил тот противный мужик, требует макет сегодня, а у нас свободных дизайнеров нет.

И Ольга Геннадьевна отвечала. Принимала решения, давала распоряжения, пила еще кофе, а стрелка почти не двигалась.

По телевизору шло дневное шоу, которое смотреть было невозможно, глаза начали искать пульт для переключения канала, но тут в коридоре показалась знакомая фигура врача. Он был в зеленом хирургическом костюме, но уже без головного убора. Увидел Олю и словно выделил ее взглядом из группы ожидающих. Она тут же поднялась со своего места – устремилась к нему. И сердце стало стучать, словно выпито не три стакана, а тридцать три.

Почему у врачей всегда такие непроницаемые лица? Что там? Как там? Как все прошло?

Наверное, все это было очень четко написано на ее лице, потому что Денис Валентинович без лишних предисловий сказал:

– Все прошло отлично, ваш отец уже в палате. Завтра можно будет прийти в часы посещения. Номер палаты –

шестнадцать.

Все прошло отлично. Главная новость, после которой немного поплыло перед глазами, и Оля на мгновение прикрыла веки. Как же страшно было услышать первые слова. Конечно, операция штатная, конечно, оборудование современное, конечно, доктор лучший, и все же... всегда остается процент неудач. И поэтому – страшно. И ладони мокрые.

– А сегодня нельзя?

Она знала, что нельзя, но... вдруг? Чтобы удостовериться самой.

– Он сейчас отдыхает. И в ближайшую пару часов, – хирург посмотрел на часы, – его лучше не беспокоить визитами. А потом уже отделение закроется для посетителей.

– Да, конечно, – Оля понимающе кивнула головой.

И почему-то снова почувствовала безотчетное желание пожать ему руку. Поблагодарить. Но в коридоре это было еще более неуместно, чем в кабинете. Поэтому осталось только одно слово:

– Спасибо.

– С ним все в полном порядке, честное слово, – уверил он.

И в этих словах проскользнуло вдруг что-то человеческое. Не врачебное, похожее на отчет перед ожидающими, но всегда сохраняющее четкую дистанцию между доктором и посетителями, а что-то более... сочувствующее.

Первая неудачная встреча, которая все же осталась в памяти и заставляла вести себя осторожно, начинала потихонь-

ку уходить в тень. Может, она тогда что-то неправильно поняла? Но эта только-только наклюнувшаяся мысль была перебита возникшей медсестрой:

– Денис Валентинович, еле вас нашла, тут начмед очень просил зайти...

И мысль исчезла так же внезапно, как и появилась. Да и не до отстраненных рассуждений на тему человеческих характеров сейчас. Главное – операция прошла успешно, папа отдыхает, а завтра можно его навестить.

Типография обещала полностью выполнить обязательства через два дня, копии документов по ручкам направили электронной почтой, что же касается макета – вот сейчас как раз Оля и поедет в офис разбираться.

– Оленька, я пойду? Что-то у меня к вечеру давление расшалилось, – Изольда Васильевна укуталась в свою неизменную ажурную шаль.

– Да-да, конечно.

– Я завтра тогда приготовлю Геннадию Игоревичу, что покушать. Больничная еда все же не сравнится с домашней.

– Спасибо, – Оля была искренне благодарна за такую заботу о своей семье. – Что бы мы без вас делали, Изольда Васильевна!

– Как и я без вас, – ответила хранительница очага, прежде чем покинуть квартиру и спуститься на два этажа ниже – к себе.

Собственной семьи у Изольды Васильевны не сложилось. Всю свою жизнь она посвятила театру и ожиданию роли, той самой – судьбоносной. Но не дождалась. Сначала все получалось, и в амплу инженю молоденькая Изольда была неотразима. А в душе хотелось Офелию. Только на Офелию выбирали других. Да и век Офелий недолог. Как, впрочем, и век инженю. К тридцати пяти Изольда так и не смогла перейти на характерные роли, о которых начала мечтать, когда не вышло с героинями. И до самого конца своей театральной службы она осталась актрисой массовки и эпизодов. Что, впрочем, не мешало ей все так же страстно любить театр. Единственное, о чем жалела эта уже далеко не молодая женщина, так это о том, что ради искусства пришлось пожертвовать личной жизнью.

«Были у меня романы, Оленька, ах, какие романы были! И замуж звали, и цветами заваливали, – рассказывала она в минуты откровений, – да глупая была, молодая. Думала, вот он военный, выйду замуж – это же ехать с ним в часть, а как же театр, как же мои еще несыгранные роли?! О возможности устроиться в областные театры даже не думала. После Москвы-то! Вот так все и проворонила...»

И неожиданно нашла свою семью в Оле, которая почти через месяц после рождения сына переехала жить к бабушке. Старушка к тому времени была уже слаба, но радовалась, что дожила до правнука. Тогда за ней приглядывала Изольда,

а когда хозяйки квартиры не стало, как-то само собой получилось, что забота старой актрисы перешла на Олю и ее маленького сына. И если бы не Изольда, Оля не справилась бы, наверное. А та нянчилась с маленьким Никитой как настоящая бабушка, навестывая все то, что пропустила в своей жизни. Пока молодая мама бегала сдавать в институт зачеты и экзамены, Изольда Васильевна гуляла с малышом, готовила супчики и паровые котлетки. Времени на все хватало, ведь и было-то у нее тогда всего по три спектакля в месяц. А через два года Изольда и вовсе ушла из театра.

– Такую радость мне жизнь дала на склоне лет, – говорила она, – что в этот раз уж точно не провороню.

Оля заперла за соседкой дверь и прошла в детскую, где сын, сидя на полу, играл в роботов, изображая фантастические бои и издавая фантастические же звуки межгалактических атак.

– Чай будешь? – спросила она, стоя на пороге.

– Ага, – сын, занятый глобальными вопросами передела вселенной, не повернулся, лишь кивнул головой, – только можно через пять минут?

– Можно, – согласилась Оля и пошла на кухню.

Телефон высвечивал пять сообщений – и все по работе. Завтра, все завтра. А сегодня у нее был тяжелый день. Операция у отца. Самое главное – прошла успешно.

Потом макет этот – сделали одной левой, если быть до конца честной. Но хороший макет за полчаса не сделаешь, а

клиент требовал. Зато теперь, когда у него на руках есть пилотный вариант, в запасе у дизайнера пара дней для осмысления и доработки.

Электрический чайник закипел и отключился. Оля задумчиво смотрела на коробку с чайными пакетиками. Нет, вечером пакетики пить не будет – заварит настоящий крупнолистовой, ароматный. И лимона дольку.

– Мам, а дедушка после больницы с нами будет жить?

Оля обернулась. Сын устраивался на табуретке. Похоже, в космической саге наступил перерыв.

– Да.

– Как здорово! А где он будет спать?

– Мы ему в зале постелем, – Оля заварила чай, а потом накрыла маленький чайник полотенцем, чтобы настоялся.

– И это же он каждый вечер перед сном будет смотреть телевизор? Круто! Эх... хорошо быть взрослым, – во вздохе Никиты отражалась вся несправедливость мира.

– Знаешь, я не думаю, что мы дедушке разрешим смотреть допоздна телевизор. Он же немного приболел, а больным полагается соблюдать режим.

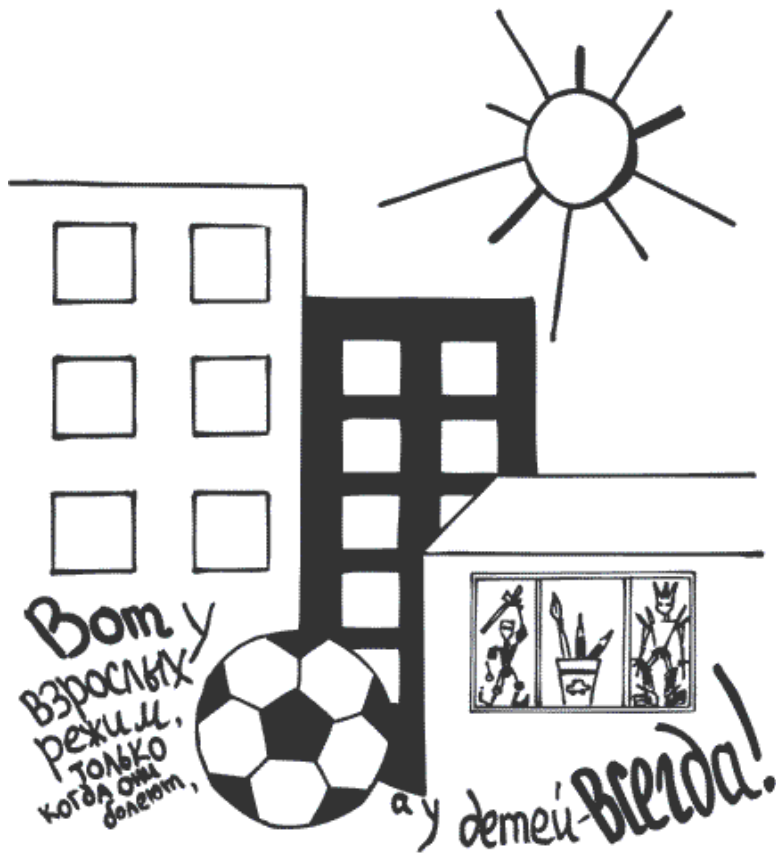
– Вот у взрослых режим, только когда они болеют, – не сдавался сын, – а у детей – всегда!

Оля улыбнулась. Прошедшим летом произошло не только появление отца в ее жизни, но и появление мужчины в жизни Никиты. Так получилось, что мальчик до десяти лет был окружен исключительно женщинами, и Ольга время от

времени испытывала беспокойство таким положением дел. Мальчику нужен пример, нужен кто-то, кто будет его направлять. И таким человеком стал Геннадий Игоревич. Они удивительно быстро подружились.

Сначала мальчик с удивлением и некоторой настороженностью смотрел на незнакомца, которого Оля представила дедушкой. Впрочем, и сам дедушка оказался не готов к наличию внука. Но ситуацию сгладила Изольда Васильевна, которая пригласила всех пить чай с пирогом «только что из духовки». В итоге все пили чай, старательно приглядываясь друг к другу, потом Оля вспомнила о стихах молодых поэтов – так нашлась тема для беседы.

А через два дня продолжилась за тем же самым столом. Правда, уже на тему детских мультфильмов и футбола.

– Почему не сделают мультфильм про футболистов? – сокрушался Никита. – Про Смешариков есть и про Лунтика с разными насекомыми, даже про свиней есть, а про футбол нет! Несправедливо совсем.

– Абсолютно с тобой согласен, – отозвался дед. – А кто такой Лунтик?

С этого разговора началась их дружба.

Оля разлила чай по кружкам.

– Ты с вареньем или с конфетами?

– С конфетами, конечно. Мам, а дедушке, наверное, мороженое нельзя будет есть, да?

– Пока нельзя, – согласилась Оля.

– Больным никогда не разрешают есть мороженое, от него горло еще сильнее болит. Но если растопить, то все равно можно.

В больницу на следующий день она попала только около четырех вечера, зато с термосами от Изольды и запасами питьевой воды. Отцу нужно было потреблять много жидкости. Оля ожидала его увидеть в одиночестве, а оказалось – в палате посетитель. Посетитель сидел на стуле около кровати и о чем-то увлеченно рассказывал.

На звук открывшейся двери обернулись оба, отец – с радостью, а мужчина – его ровесник – внимательно глядя. Настолько внимательно, что Оля, вместо того чтобы подойти к папе, осталась стоять в дверях с сумками и представилась:

– Здравствуйте, я Ольга Зеленская.

Взгляд мужчины после ее слов стал уже не просто внимательным, а даже въедливым. А когда он повернулся к отцу, Оля добавила:

– Геннадьевна.

И отец сразу же следом воскликнул:

– Валя, это дочь!

– Дочь, вон оно что, – посетитель вновь посмотрел на Олю, на этот раз уже с явным облегчением. – А я уже невесть что подумал... Здравствуйте, Оленька.

Невидимое, но ощутимое напряжение рассеялось, и она сделала шаг навстречу.

– Здравствуй, папа. Как ты себя чувствуешь? Изольда Васильевна сварила изумительный бульон.

* * *

В палате у Геннадия Игоревича оказалось многолюдно. Хотя удивляться нечему.

О том, что собирается навестить друга, Валентин Денисович сына предупредил по телефону. А присутствие дочери было совершенно естественным.

– Добрый вечер всей честной компании, – Денис прикрыл за собой дверь палаты. – Ну-с, как мы себя чувствуем по сравнению с утром?

А утром было так себе. Конечно, ТУР – операция щадящая, но объем иссеченной ткани оказался значительным, возраст пациента далеко не юный, поэтому на утреннем обходе Геннадий Игоревич выглядел не лучшим образом. Да и жалобы у него имелись – соответствующие клинической

картине, характеру проведенной операции и возрасту.

Однако сейчас больной держался демонстративно бодро.

– Чувствуем себя отлично, доктор. Режим соблюдаем и даже уже собираемся домой.

Шустрый какой. А помочиться нормально только после обеда получилось. Это поколение такое – Денис давно для себя отметил. Лежать в больнице – не для них.

– Домой – это хорошо, – Дэн бросил взгляд в карту, хотя не далее как пять минут назад подробно изучил все данные: кровь, моча, давление, температура. Ничего тревожащего там не было. – Завтра утром забегу, там видно будет. Если останетесь все таким же дисциплинированным – после обеда выпишу.

– Ой, как здорово! – обрадовался Зеленский и обменялся краткими взглядами с дочерью, которая, ровно сидя на краешке стула, молча и напряженно смотрела на Дениса. А Геннадий Игоревич перевел взгляд на товарища: – А строгий у тебя сын, Валя. Его тут все слушаются.

Дэн и бровью не повел. А Валентин Денисович весело хмыкнул.

– Да это он только с виду такой! – а потом, непринужденно заложив ногу за ногу, спросил сына: – А скажите, доктор, когда пациенту можно будет принимать перорально вещества, содержащие этанол? Чтобы отметить, так сказать, успех нашего дела?

Начало-о-ось. Рассмеялся Геннадий Игоревич и тут же

поморщился. Даже у серьезной Ольги Зеленской дрогнули в улыбке губы.

– Когда будет можно, я Геннадия Игоревичу рецепт выпишу, – произнес Денис невозмутимо. – А пока – никакого алкоголя.

Батюшко-старший фыркнул, а Денис обернулся к дочери Зеленского:

– В соблюдении режима питания я на вас только и рассчитываю. А то уважаемый нейрохирург вздумал воду мутить.

Уважаемый нейрохирург за спиной Дениса еще раз возмущенно фыркнул.

Молодая женщина перестала улыбаться и кивнула:

– С питанием все будет правильно.

Ну вот, за Зеленского можно быть спокойным. У такой серьезной барышни не забалуешь.

– Дожил, – вздохнул Валентин Денисович и поскреб бороду. – Собственный сын указывает мне, когда можно пить со старинным приятелем.

– Я не сын, я лечащий врач, – парировал Денис. – И кроме того, вам-то, Валентин Денисович, как нейрофизиологу, положено знать все о влиянии этанола на клетки головного мозга.

– Не буду вступать с тобой в научный диспут, – отмахнулся отец. – Скажи лучше, хоть к юбилею моему выпишешь Генке рецепт на пятнадцать капель коньяку?

Дэн прищурил глаз, прикидывая даты.

– Это же через пару недель? На пятнадцать капель, так и быть, дам рецепт.

– Правильно ты, Гена, сказал – суровый, – вздохнул Батюшко-старший.

– Очень, – подтвердил Денис и положил отцу руку на плечо. – Давайте-ка, Валентин Денисович, оставим пациента в узком семейном кругу. А я тебя домой отвезу.

Зеленский явно сохранял видимую бодрость уже с трудом. Только сутки прошли после операции, покой и положительные эмоции – вот что ему сейчас нужно. Денис нашел глазами взгляд дочери Зеленского и едва заметно кивнул. Он был уверен, что она его поняла. Долго не задерживаться, не волновать. Она также едва заметно кивнула.

Дождавшись, когда старинные приятели распрощаются, Денис аккуратно прикрыл дверь палаты.

– А красивая у Генки дочка, – Валентин Денисович снял с головы кепку и аккуратно положил на колени. – Ладная такая. И на Генку молодого здорово похожа.

– Мне сложно об этом судить, – Денис был сосредоточен на том, что сдавал задним ходом, выезжая с забитой больничной парковки.

– Что значит – сложно судить? Ты перестал замечать красивых девушек? Не узнаю тебя, Дениска.

– Я имел в виду, что о сходстве в таком ракурсе мне трудно судить, – Дэн включил переднюю передачу. – А так – да.

Красивая, согласен.

Денис делил женщин на пять категорий – по степени убывания красоты. С первыми тремя: богини, красотули, нарядные – с удовольствием водил знакомство. К остальным двум – «выговор родителям» и «мешок на голову» – относился со смиренным милосердием, но тщательно избегал. Ну а что поделать, если Денис Валентинович Батюшко обращал внимание исключительно на красивых женщин?

Самой любимой категорией Дэна были красотули. Богини – слишком зациклены на своей неотразимости. Нарядные – это женщины, у которых есть незначительные изъяны в лице, но они уравниваются приятными мужскому взгляду излишествами в фигуре, а также легким и веселым характером. А самые вкусные – красотули. Идеальное сочетание лица, фигуры и характера. И почему-то большинство дам этой категории были блондинками. Так что Ольга Зеленская при зрелом размышлении – красотуля. Только характер, скорее всего, подкачал.

– Ну вот, – удовлетворенно выдохнул Батюшко-старший. – А я уж думал, ты квалификацию потерял.

Денис ничего не ответил. Машина аккуратно влилась в транспортный поток, а Дэн решил сменить тему разговора.

– А скажи мне, отче, почему я никогда не слышал про этого твоего Зеленского, если вы такие друзья – не разлей вода?

– Да потому, сын мой, что, когда мы дружили с Генкой, –

с удовольствием пустился в объяснения Валентин Денисович, – о тебе еще никто не подозревал. Мы в одном доме жили. В одном подъезде: я на втором этаже, он – на пятом. С первого по десятый класс за одной партой просидели. В футбол играли – я в защите, он на воротах. В общем, одна команда. Даже в одну девчонку были влюблены – в первую красавицу школы.

– Я так и знал, что у меня это наследственное, – хмыкнул Денис, притормаживая перед светофором.

– Тебе лишь бы все на Менделя⁶ свалить, – рассмеялся отец.

– А потом куда ваша дружба делась?

– Да как будто ты не знаешь, как это бывает, – Валентин Денисович задумчиво похлопал по кепке. – Разные вузы, у меня – мединститут, у него – журфак. Сначала еще как-то поддерживали отношения, а потом... – махнул рукой, – а потом Генка уехал за границу, и совсем мы с ним потерялись.

– А как нашлись?

– Ну так интернет этот ваш! Через «Одноклассников» и нашлись. Генка в Москву с концами вернулся. Списались, встретились, и знаешь, будто и не было всех этих лет. Только седые оба. А я еще и лысый.

– Ты не лысый, – дежурно утешил отца Денис. – И что,

⁶ Мендель – Грегор Иоганн Мендель, австрийский биолог, открывший закономерности наследования от родителя к потомку, известные как законы Менделя, впоследствии ставшие основой современной генетики.

вот так сразу, после долгой разлуки, он тебя попросил о консультации уролога по знакомству?

Валентин Денисович некоторое время разглядывал сына, а потом шумно выдохнул.

– Давно ли ты стал таким подозрительным?!

– Мне просто интересно.

– Интересно ему, – пробурчал Батюшко-старший. – Ну а раз тебе интересно, то вообрази себе двух немолодых джентльменов в сортире у писсуаров – простите мне мой французский. Проблемы по твоему профилю, Динька, очень сложно скрыть в таком положении. Ну и припер я Гену к стенке. Ну, в смысле, не буквально, а...

– Я понял, – ровно ответил Денис.

– Сообразительный ты у меня, – отец решил оставить последнее слово в разговоре за собой. – Только характер вредный.

На это Дэн снова не стал отвечать. Вредный характер – это Валентин Денисович сына по-отечески мягко охарактеризовал. Обычно Дениса называли циником, гадом и бессердечной сволочью. Называли те самые богини, красотули и рядные.

Глава 3. Modus vivendi

7

Ларионов озвучил сумму, в рамках которой предстояло разработать пакеты предложений для «слизня», и Оля готова была биться об заклад с кем угодно, что это не та цифра, которую планировал потратить Золотарев. Просто шефу очень хотелось стать владельцем базы отдыха, и он обхаживал потенциального продавца всеми способами, в том числе и предоставив огромную скидку.

– Я все поняла, Виктор Иванович, – сказала Оля в телефонную трубку. – Мне нужно время подумать... да, дня через два... хорошо, сначала покажу все вам.

А еще лучше, размышляла она, отключив связь, чтобы и все переговоры вы, Виктор Иванович, провели сами.

Так ведь не сделает – пошлет Олю. Сколько еще чашек кофе придется выпить, прежде чем договор будет подписан?

Ладно, об этом она подумает потом, а пока надо посмотреть расценки на размещение рекламных модулей в местных СМИ. Где там у Золотарева автосалон находится?

Выписка была назначена на час дня, но Оля опоздала. Потому что телефонные звонки, снова проблемы с типографи-

⁷ Modus vivendi (лат.) – образ жизни.

ей и столичные пробки.

Она нажала на дверную ручку и услышала низкий голос:
– Не стесняйтесь звонить, если будет что-то беспокоить.
Хотя не должно.

Папа не скучал в одиночестве. Сидел, полностью собранный, на стуле и внимал доктору, который обернулся на звук открывшейся двери.

– Здравствуйте, – поприветствовала Ольга и слегка улыбнулась. Не доктору – отцу, выглядывавшему из-за худощавой фигуры Дениса Валентиновича. Ну и все-таки немного доктору.

– Здравствуй, Оленька. А я уже готов, как видишь, – отец выглядел гораздо лучше, чем накануне. Впрочем, она знала, что сил там не очень много, желания оказаться вне больничных стен гораздо больше, поэтому перевела взгляд на врача, безмолвно вопрошая: «Правда, готов?», имея в виду вовсе не собранные сумки.

Денис Валентинович взгляд понял и подтверждающе кивнул:

– Добрый день. Передаю из рук в руки.

– Пост принял, – слова у Оли сорвались сами собой.

– Пост сдал, – тут же последовал ответ и жест руками – словно что-то взял и протянул ей.

Совершенно не врачебный точно. Человеческий жест. И даже улыбка – тоже не врачебно-профессиональная. А какая-то... открытая.

Впрочем, об улыбке она вспомнила позже, а в тот момент быстро перевела взгляд на отца, который, торопясь домой, поднялся на ноги и засобиравлся-засуетился. Оля отобрала у него сумки и вместо них вручила плащ. Это послужило причиной спора.

– Женщинам не позволено носить сумки! Верни обратно.

– Больным не положено тем более.

– А я не больной.

– А я не женщина – я дочь. Дочери можно, давай спросим у Дениса Валентиновича.

В итоге оба устали на специалиста по больным и их родственникам. А у специалиста, как назло, зазвонил телефон, поэтому Оля во второй раз сунула папе плащ, взяла сумку, и, когда краткий телефонный разговор завершился, отец и дочь хором произнесли:

– Спасибо, доктор, до свидания.

Денис Валентинович окинул их взглядом, ничего не ответил – вместо этого подошел к стулу и взял еще одну сумку, о которой спорящие забыли в пылу дебатов.

– Есть примета, – сказал он, – если оставишь что-то в больнице, то обязательно сюда вернешься. Не то чтобы я не рад был вас видеть, Геннадий Игоревич, но лучше вне больничных стен.

Постоял с сумкой в руках, помолчал, а потом добавил:

– Попросить санитаря проводить вас с вещами до машины?

– Не стоит, пакет легкий, – ответила Оля и протянула руку.

Вернее, они оба протянули руки: отец и дочь. Но выбор врача оказался в пользу дочери, и через секунду сумка была у Оли.

А дальше – снова слова благодарности и прощания, потом лестница вниз, холл и диалог медсестер, который Оля услышала совершенно случайно, пока отец надевал плащ.

Медсестры были молоденькие и хорошенькие. Одна из них хохотала.

– Рассказывай давай.

– Ну что, Светуля не оставляет попыток склонить доктора Батюшко к внеслужебным отношениям.

– Настойчивая. Что на этот раз?

– Напялила на голую грудь халат на пару размеров меньше своего. Для пущей убедительности верхнюю пуговицу отрезала. И пошла к Денису Валентиновичу якобы по служебной надобности. Это кино и немцы, я чуть анализы не уронила, когда увидала эту красоту. Она ему то один вопрос, то другой, то так повернется, то эдак. А он все отвечает и отвечает. И смотрит ей в лицо. В лицо, понимаешь, в лицо! Ну, Светольда не вытерпела, груди свои пятого размера лапками прикрыла. «Ой, у меня пуговица оторвалась, надо пришить». А он так медленно посмотрел – сначала в вырез халата, потом в глаза. Руки сложил на груди своим фирменным жестом – ну знаешь, как он степень нарядности показывает.

И говорит в своей обычной манере: «На вашем месте, Светлана Анатольевна, я бы пришил пуговицу на лоб».

Медсестры хохотали теперь вдвоем.

– Сколько уже Денис Валентинович осаду держит?

– Года два, по-моему.

– А Светка все никак не может смириться, что фейсконтроль у доктора Батюшко не прошла.

– А мы прошли! – довольно переглянулись сотрудницы больницы, еще немного похихикали и побежали по своим делам.

Оля очнулась, только когда почувствовала прикосновение к своему плечу.

– Ну что, дочка, пошли?

– Что? Да, конечно. Пошли.

Эта пуговица на лбу не оставляла мысли всю дорогу до дома. Отец молчал, он устал от бравады. Оля выключила радио, чтобы обеспечить в салоне тишину, которую нарушало время от времени только мерное тиканье поворотника.

Пуговица на лбу, подумать только! Это что же... это значит и лицо застегнуть? Это таким образом сказать женщине, что она некрасива?! Как прямолинейно и вообще... недопустимо. От подобных мыслей Ольга непроизвольно передернула плечами. А в палате казался настолько вежливым, даже участливым, что из памяти совсем стерлась их первая неудачная встреча. Может, день не задался с утра, может,

пациенты попались капризные. Всякое бывает, уж ей ли не знать, какие посетители иногда переступают порог кабинета? И руки у него такие теплые и сухие, приятные – Оля отметила и запомнила мимолетное прикосновение при передаче сумки. Как-то совершенно так по-женски отметила и запомнила. Может, потому что давно уже... а тут пуговица на лбу!

И все едкие фразы при их знакомстве сразу вспомнились. И сам тон. Значит, не были те слова Дениса Валентиновича случайностью. И непонятно тогда, где доктор Батюшко настоящий: комментирующий пуговицы или подающий сумки?

«А и черт с тобой, – подумала Оля, поворачивая к дому. – За операцию и заботу об отце буду благодарна всегда. А до остального мне дела нет».

* * *

– Ну и главврач будет.

– Я понял.

– Молодец, – похвалил сына Валентин Денисович. – Все записал?

– Все.

– Этих... как их там... тамады не надо! Ларочка с девчонками что-то готовят. Культурную программу, в смысле.

– Пометил себе, – Денис обвел пожирнее номер Ларисы

Максимовны. Это только для отца зам по экономике – Ларочка.

– Ага, ну и славно, – отец говорил слегка неуверенно. – Ну, тогда все? Тебе точно не нужна помощь, Дениска?

– Расслабьтесь, гражданин юбиляр. И готовьтесь принимать поздравления.

– Вот нутром чую: не терпится всем проводить меня на пенсию! – проворчал Батюшко-старший.

– Всем, может, и не терпится. Но ты же не уйдешь.

– Не уйду, – довольным голосом подтвердил отец. – Но на пышные проводы рассчитываю.

– Положись на меня.

Подготовка юбилея – дело мало того что хлопотное, так еще из категории тех, что Денису совсем не по душе. Не выносил он категорически подобные мероприятия. Но деваться некуда, шестидесятилетие, как известно, случается раз в жизни. И все должно быть организовано по высшему разряду. Денис вздохнул и покосился на список дел и телефонов. Надо бы похорошему позвонить Ларисе Максимовне. Но Дэн малодушно решил начать с ресторана.

* * *

О том, чтобы после операции оставить отца одного в его однокомнатной квартире, не могло быть и речи. Конечно, он спорил и говорил, что не хочет стеснять и доставлять неудоб-

ства, что вполне способен позаботиться о себе сам. Оля даже молчала и внимательно слушала, только в итоге все сделала по-своему.

Диван в зале разложили, и он поступил в распоряжение Геннадия Игоревича. Изольда Васильевна варила супы в двойном объеме, а Никита развлекал дедушку домашними заданиями.

– Вы это проходите в третьем классе? – время от времени удивленно восклицал дедушка, недоверчиво переводя взгляд на Изольду.

Та только разводила руками:

– В наше время учились не так.

– А биография Толстого зачем ребенку в третьем классе? – кипятился Геннадий Игоревич. – Что он из нее вынесет для себя, поймет в девять лет?

– Может, что-то поймет, – ответила Изольда без особой, впрочем, уверенности в голосе.

– Дедушка, смотри, вот этот красный – он защитник, – Никита плюхнулся на диван, – а синий нападает на нашу галактику. И вот я тут придумал световой меч такой специальный, который на синий цвет реагирует и, как только увидит синие доспехи...

– Кто увидит – меч?

– Ну да, – нетерпеливо объяснял Никита, – то сразу же поражает противника, и галактика спасена.

В руках мальчика синий робот перевернулся, сделал куль-

бит и под звуковое сопровождение «ты-дыж-уа-а-ау» упал на пол.

– А вы говорите, биография Толстого, – Геннадий Игоревич поднял глаза на Изольду Васильевну. – Роботы и световые мечи.

Оля приходила с работы поздно, основная забота об отце легла на плечи соседки. Главным в этой заботе было уговаривать Геннадия Игоревича не форсировать события и восстанавливаться после операции постепенно. Через два дня он засобирался домой, через три заявил о выходе на работу, где скопилось очень много дел и очередной номер журнала не готов к выходу.

Оля привезла отцу его ноутбук и вручила со словами:

– Электронная почта и телефон творят чудеса.

Так Геннадий Игоревич получил доступ ко всем готовым и не очень готовым статьям и приступил к своей главредовской работе.

У него даже нашлась благодарная слушательница – все та же Изольда Васильевна.

– Я только не очень поняла, – сказала она как-то вечером, откладывая в сторону небольшую статью об индийском празднике красок, – ваш журнал про страны, путешествия и культуру разных народов. При чем тут поэзия? Почему вы получили все эти стихи?

– Наследие предыдущего главного редактора журнала. Он решил привлечь к изданию молодежь, объявил о конкурсе

молодых поэтов и о возможности напечатать их творения в журнале. В итоге ничего хорошего из этого не получилось. Когда люди покупают альманах про разные уголки мира, они надеются найти там много фотографий, интересные факты, рассказ о необычных путешествиях, а вместо этого натываются на... – Геннадий Игоревич сделал паузу, думая над формулировкой, – на весьма необычные стихотворные творения... В общем, это была не совсем удачная идея. В журнале раздела поэзии теперь нет, а стихи до сих пор получаем.

– И некоторые из них очень даже неплохи, – сказала Изольда.

– Да, только... не туда стихи направляют. Я уже всю голову сломал с этими молодыми поэтами.

Изольда задумчиво вертела в руках очки.

* * *

Потап опять упал. Денис поморщился на грохот из соседней комнаты и спросил:

– Тося, ты снова уронил шедевр деревянного зодчества?

– Угу, – пропыхтел интерн, явно занятый восстановлением эректильной функции Потапа.

Этим редким именем был награжден самый большой экспонат коллекции андролога Батюшко. Данный экспонат имел метровую высоту – или длину? – и слегка фантазийную форму, обусловленную материалом исполнения. Ибо спле-

тен был Потап из лозы и зачастую использовался как дополнительная вешалка. И поэтому – а также ввиду своей относительной легковесности – иногда падал. Как сейчас, например.

– Не такой уж он и легкий, – демонстративно отирая пот со лба, в дверях показался Тося.

– Ну, если ронять его по пять раз в день...

– Поднимать упавшее – наша работа, не так ли, Денис Валентинович?

Дэн усмехнулся. Тося определенно скрашивал его и без того нескучные будни.

– Ты прав. Вообще, если размышлять по сути вещей, то эрекция – это борьба двух «Г»: гравитации и гидравлики.

Теперь рассмеялся Малин. А потом, вдруг придав лицу серьезное и даже торжественное выражение, продекламировал:

Потап упал,
Упал Потап,
А это, согласитесь – повод.
Вот почему
Он здесь,
Как все.
Потап упал – и это довод.

Более чем внезапно, что тут еще скажешь. Потап прямо притягивает к себе лингвистические потуги. Потому что с

легкой руки Дениса идиоматическое выражение «Потапом по лбу» вошло в обиход всего отделения и даже шагнуло за его пределы, принимая в себя в зависимости от интонации и контекста широкий спектр смысловой нагрузки – от недоумения до угрозы.

– Браво, – Дэн пару раз хлопнул в ладони. – С такими талантами надо было в литературный идти.

– Туда кого попало не берут, – вздохнул Тося и сел напротив.

– Надо полагать, в медицинский – берут?

– Нет, я не то имел в виду, – Тося покосился на Николая. – Просто я... – и не найдя слов, махнул рукой.

– Что – ты? – Денису стало вдруг интересно. – Почему медицина, Антон? Почему урология? Почему я?

Малин прокашлялся. Почесал вихрастую макушку. И неожиданно предложил:

– А давайте чаю попьем, Денис Валентинович?

– На последний вопрос проще всего ответить, – Тося медленно размешивал чай. – Почему вы? Потому что вы лучший.

Денис хмыкнул. На лесть не похоже. Что же тогда?

– Только не говорите, что это не так, – совершенно спокойно встретил его взгляд Малин. – И что вы так не считаете.

– Ну почему же, – Денис наклонил голову, разминая и растягивая шейные мышцы. – С поправкой на «один из» – при-

нимается.

– Я лучше вас ни о ком не слышал, – упрямо возразил Тося.

– Ладно, – согласился Дэн. – Пусть так. Что с остальными вопросами? Почему ты решил стать андрологом?

– А вы почему?

Вот как. Мальчику палец в рот не клади – не стоматолог, чай.

– Рабинович, почему вы всегда отвечаете вопросом на вопрос? – Денис отпил чаю. – Да кто вам сказал такую чушь?

– Не будете отвечать? – кривовато улыбнулся Антон.

– Отчего же не буду? Отвечу. Специальность редкая, востребованная и денежная. Хороший уролог-андролог – на вес золота. А все остальное – предрассудки.

– Какие предрассудки? – изобразил непонимание Тося.

– Вот эти, – Дэн щелкнул по гладкой, сверкающей на послеобеденном солнце макушке Николая. – Я встречал не одного вполне себе взрослого и неглупого человека, часть из них были даже с медицинским образованием – которые при известии о моей специальности и о том, с чем мне приходится ежедневно иметь дело, брезгливо морщились.

– Да ладно? – недоверчиво округлил глаза Малин. – Ну не проктолог же!

– И проктолог – вполне себе уважаемая и нужная профессия, – одернул собеседника Денис. – Только люди об этом вспоминают, когда геморрой за горло берет.

– А... Ну да, – не стал спорить Тося. – Я вот тоже считаю, что в профессии уролога нет ничего зазорного.

– Как и в любой другой врачебной специальности, – кивнул Денис. – В человеческом организме лишнего ничего нет. За исключением четырех восьмерок и аппендикса. Так почему мочеполовая система, Антон?

Малин молчал, уткнувшись носом в кружку. И туда же заговорил:

– Чтобы победить собственные комплексы.

– О как. И какие же? Так, погоди, постой. Ты слишком молод для импотенции.

– Денис! – «Валентиновичем» Тося от возмущения поперхнулся. – Я не про то! Да я вообще...

А потом Денису выпала честь выслушать двадцатиминутную исповедь интерна Малина про несчастную любовь на первом курсе, завершившуюся некрасивым скандалом, про укоренившуюся неуверенность в себе как в мужчине и решимость вот таким нетривиальным образом излечиться. Помогая другим мужчинам обрести что-то.

– Тебе с таким креативным подходом в психиатрию надо было идти, – вынес вердикт Денис, отодвигая в сторону пустую кружку.

– Не-а, – вдруг широко улыбнулся Малин. – Мне у вас нравится. Я прямо чувствую, как мне лучше становится.

И тут Денис расхохотался, рассеивая неловкость от внезапных откровений.

– Лечу наложением рук, ага. Ну а в медицинский-то тебя как занесло, Тося?

– Бабушка... заставила, – негромко проговорил Малин. Негромко и явно смущенно.

– Бабушка? Ну, бабушка, может, и заставила поступить. А выучился ты как? Как патан⁸ выдержал? Зубрежку по фарме⁹? Да и...

Денис замолчал и тут же сделал себе мысленный выговор. Надо же помнить, кто у нас бабушка. И что там вполне могли договориться на уровне если не ректора, то хотя бы декана. Че-е-ерт... Замечательный интерн, лучше не бывает. Смоленцев – жук колорадский и навозный одновременно! И надо идти и требовать «Вергланд». Он кровью Дэновой оплачен.

– Я знаю, о чем вы подумали, – глухо произнес Малин, глядя куда-то в сторону.

А потом посмотрел Денису прямо в глаза. – Не помогал мне никто. И не договаривался. Хотите верьте – хотите нет. Я сам так решил. Потяну – значит, мое. Не потяну – за счет бабушкиных связей учиться точно не буду. Да и не было у нее особо связей к тому времени уже. Это только она сама

⁸ Патан (*сленг*) – патологическая анатомия, одна из основных обязательных к изучению медицинских дисциплин. При ее изучении обязательны посещения вскрытий в моргах.

⁹ Фарма (*сленг*) – фармакология, одна из основных обязательных к изучению медицинских дисциплин. При изучении предполагается запоминать значительный объем информации (названия лекарственных средств, химических соединений и пр.).

так считала – что стоит ей позвонить...

Собеседники какое-то время смотрели в глаза друг другу. А потом Денис кивнул.

– Отлично. Вопрос закрыт, – и словно подводя итог: – До метро подвезти?

– Спасибо, но мне сегодня в другую сторону.

Может быть, парень обиделся. Может быть, устыдился своей откровенности. А вот Денис кое-какие выводы для себя сделал. И Смоленцева пока из категории жуков можно вычеркнуть. Из навозных – точно. А что до колорадских – по «Вергланду» видно будет.

* * *

Отец начал на несколько часов ездить в редакцию и в один из вечеров заявил Ольге твердо, что уже здоров и «пора перебираться к себе». Только она видела, как устает он к концу дня, несмотря на всю свою браваду.

Оля много думала об отце в последнее время. Даже не так – она думала о нем много все последние месяцы, с тех пор как он появился в ее жизни, этот немолодой интеллигентный человек, уверенный с другими и немного робкий с ней. Чувствующий вину за все годы молчания. А Оля... Оля чувствовала к нему благодарность. За то, что он вот так появился в ее жизни.

«Папа... у меня есть папа», – думала она поздними вече-

рами, лежа в кровати. И шепотом:

– Папа... мой папа...

И становилось тепло. Тепло не только от того, что есть папа, но и от того, что ты ему нужна. И он тебе... нужен.

– Давай сделаем вот как, – ответила Оля на очередное заявление отца об отъезде. – Дождемся юбилея твоего друга, а вот уже после него и вернешься в свою холостяцкую квартиру.

На том и решили.

Отец много времени проводил с внуком, в будущем даже вызвался вечерами возить его на тренировки: Никита занимался в футбольной секции и часто демонстрировал в коридоре деду разные приемы владения мячом.

Коридор был маленький и узкий, каждый неосторожный и несильный удар грозил разбить зеркало, свернуть полку или повалить вешалку. Но все просьбы и запреты оказывались бесполезны, потому что ответ звучал всегда один:

– Мама, я очень осторожно. Деда, вот смотри, мяч надо вести мизинцем, видишь? Я сейчас покажу!

– Оленька, там какие-то щитки надо купить, я в этом несильно разбираюсь, – Изольда Васильевна из кухни наблюдала за рождением новой звезды спорта. – Тренер говорил, а то ноги все в синяках будут.

– Да, конечно, на выходных посмотрю.

– И... – соседка немного замешкалась, прежде чем сказать, – я завтра супчик сварю, Никиту из школы приведу...

Геннадий Игоревич посидит с внуком?

– Конечно, посидит, не беспокойтесь. Он уже почти совсем оправился после операции, а... – теперь замешкалась Оля.

У Изольды Васильевны был вид смущенной девушки перед свиданием. И прямой Олин взгляд она не выдержала – опустила глаза.

– Ой, что это я, совсем забыла, купила в магазине такие вкусные печенья... – соседка быстро засеменила к полке.

– Ты видел? – спросила Оля позже, когда Изольда ушла, Никита после ужина сел смотреть мультфильмы, а дочь и отец пили на кухне чай с теми самыми печеньями.

– Что видел?

– Изольду. Вы завтра после обеда с Никитой устраиваете мальчишник, потому что у нашей актрисы дела важные, – Оля сделала глоток и повертела в руках чашку. – Признаться, никогда не видела ее такой смущенной. Обычно если ей надо в больницу или по делам, она говорит прямо, а тут...

– Тайна Мадридского двора?

– Секрет, да, – улыбнулась Оля. – Может, у нее появился воздыхатель?

– В ее-то возрасте?

– А что не так с возрастом? – возмутилась Оля. – Знаешь, она прекрасно выглядит для своих шестидесяти трех. Очень интересная женщина.

– Интересная, – согласился отец после некоторых разду-

мий. – Очень даже.

Но настроение у него почему-то испортилось, и чай они допивали в тишине. Только уже ставя пустую посуду в раковину, Оля нарушила молчание:

– Я завтра задержусь на работе. Справитесь?

– Конечно, дочка. Много работы?

– Да, – Оля включила кран.

– А что планируется на завтра?

– Да ничего особенного, – чистые чашки и ложки размещались на расстеленное полотенце. – У нас водитель заболел, придется завтра самой отвозить листовки в торговый центр, а перед этим встреча с клиентом. Мы разрабатываем фирменный стиль для его кафе. Надеемся, что он закажет нам вывеску. Это хорошие деньги. Еще делаем макет для мебельного магазина – у них акция со скидками. Ну и так далее.

– Да ты настоящая бизнес-леди! – в голосе отца слышались и удивление, и восторг одновременно.

Оля усмехнулась. Выключила кран и стала неторопливо вытирать посуду.

– Я ездовая собака, папа.

Он немного помолчал, а потом тихо спросил:

– А ты любишь свою работу? Тебе нравится то, чем занимаешься?

Она не отвечала до тех пор, пока все чашки, блюда и ложки не были расставлены по местам. Захлопнула дверцу шкафа, а потом повернулась лицом к отцу:

– Знаешь, когда ты в ответе за ребенка, которого надо кормить, поить, ставить на ноги, покупать одежду и давать образование, вопрос о том, нравится ли тебе твоя работа, уходит на второй план. Главное, что работа есть, она дает мне возможность жить и содержать моего сына. И я с этой работой справляюсь.

– Да, конечно, – голос отца еле слышался.

Он опустил голову и смотрел на свои руки.

– Но вообще, – Оля убрала со стола печенья, – у меня очень интересная работа.

В глазах поднявшего глаза отца была робкая надежда.

– Хорошая работа, – подтвердила она и слегка улыбнулась.

* * *

Пиликнула сигнализация, щелкнул центральный замок. Денис сунул автомобильный ключ в карман и поежился. Сырой ветер торопил домой, и Дэн пошел в сторону своей десятиэтажки. Последнее из списка дел по подготовке юбилея отца сегодня сделано. Все, два дня отдыха, а потом останется только пережить сам праздник, ничем не выдав, как замотался с его подготовкой.

На подходе к дому Денис замедлил шаг. В начавших сгущаться сумерках квадрат панельной многоэтажки с горящими и темными окнами казался шахматной доской. Дэн нашел

взглядом свои два окна. Две из четырех клеток, куда мог бы пойти конь. Воображаемый конь. Его любимая шахматная фигура.

Этой игре научила Дениса мать. «А я пойду конем!» – гордо оповещал семилетний Денис. «Динька, я же тогда срублю твоего коня пешкой, смотри», – смеясь, отвечала мама. «Но я хочу ходить конем!» – упорствовал сын.

Мама поддавалась ему. Давала выигрывать, чтобы мальчику было чем гордиться и чтобы он не утратил интерес к игре. Однажды к их шахматной партии присоединился глава семьи, стал давать Денису советы, как играть, не позволил пару раз сходить любимым конем, а потом и вовсе оттер сына от доски и сел сам играть с женой. Денис тогда на отца жутко разобиделся.

Хорошо играть в шахматы Дэн так и не выучился. Но когда переезжал в свою квартиру из отчего дома, единственным, что он забрал помимо личных вещей, оказалась шахматная доска. Та самая. Мамина. А в ней в числе прочих фигур – черный конь с отломанным левым ухом.

Денис поднял голову и, прищулив глаз, посмотрел на шахматное поле из окон. Конь ходит g8 – f6. Так он попадет на кухню. Есть хочется очень.

Технологии обустройства городского быта достигли тех степеней, когда на обеспечение приемлемого уровня комфорта требуется совсем немного усилий. Квартиру убирает

робот-пылесос. Кушать готовит мультиварка. Одежду делает чистой стиральная машина. Еще тридцать лет назад мужчины ради комфорта в быту женились. А теперь единственная веская причина для брака – любовь. Именно поэтому Денис – убежденный холостяк.

Он достал из холодильника контейнер с тушеными овощами и рыбой. Холодную еду сделает горячей микроволновая печь. А холодную постель... А холодная постель для спины полезней. И одеяло ни с кем делить не нужно. И можно храпеть.

Глава 4. Status naturalis

10

На футбол Никиту отвез Геннадий Игоревич. А все потому, что Изольда Васильевна снова, стушевавшись и покраснев, пробормотала про занятый вечер.

Все это произошло в обед, когда Оля заглянула домой, чтобы забрать забытый смартфон.

– Весь день разрывался. Оленька, когда же ты успеваешь работать при таком количестве звонков? – соседка старалась говорить как обычно, но из-за нехарактерной для нее суетливости все равно получалось не очень естественно.

– Это работа, – Оля пожалала плечами.

– Я ужин приготовлю, так что мужчины голодными не останутся...

У Изольды Васильевны зазвонил телефон, и она, нажав на кнопку соединения, поспешила выйти в коридор. Что тоже не было для нее типично.

Отец и дочь обменялись взглядами.

– Ухажер, – мрачно прокомментировал Геннадий Игоревич.

Оля еле скрыла улыбку – ничего не могла с собой поделать: настолько это забавно выглядело. Отец, привыкший

¹⁰ Status naturalis (*лат.*) – естественное состояние.

за последние дни к безраздельному вниманию со стороны Изольды, стал ревновать ее к новому объекту интереса.

А из коридора доносилось:

– Конечно, Славочка, конечно. В семь, как договаривались, буду ждать.

– Ты слышала? Будет ждать, это в ее-то возрасте.

– Любви все возрасты покорны, – Оля наклонилась, чтобы поцеловать сидевшего за столом отца в щеку, – а мне пора. С учетом личной жизни нашей актрисы, футбол на тебе.

– Не беспокойся, дочка.

– И знаешь, – Оля, поддавшись хулиганскому настроению, тихо сказала на ухо отцу, – пора переходить из стадии «ухаживания за больным» в стадию «ухаживать за актрисами красиво и с шиком».

Геннадий Игоревич ответить ничего не успел, потому что в кухню вошла Изольда Васильевна, а дочь уже от дверей прокричала:

– Я ушла!

За полдня звонков и правда накопилось много. До самого вечера Оля решала текущие вопросы, разбирала деловую корреспонденцию, перезванивала на неотвеченные вызовы. Но задерживаться в офисе не стала и все недоделанное отложила на завтра.

Как там двое ее мужчин справились со спортивной секцией? Пять станций на метро по московским меркам – не рас-

стояние, но это же целая процедура: не забыть взять форму, щитки, бутсы, полотенце и сменную майку, купить по дороге бутылочку воды, переодеться в раздевалке.

В общем, Оля слегка волновалась и была уже дома к тому моменту, когда футболист и его болельщик открыли входную дверь.

Зря волновалась. Оба находились в приподнятом настроении.

– Гол! – закричал сын прямо с порога. – Я забил гол!

Это явно тянуло на событие дня. В общем, тренировка удалась. – А ведь и мы в детстве во дворе в футбол гоняли, – сказал Геннадий Игоревич, когда уже все сидели за столом и ужинали. В голосе его явно слышались ностальгические нотки. – Знаешь, Никитка, вот выберем время и поедем с тобой в «Лужники» – там есть Аллея славы. Покажу тебе наших прославленных футболистов, а то все Месси да Роналду. А про Льва Яшина даже и не слышал, поди.

* * *

– Приветствую вас, человек самой гуманной в мире профессии.

– Привет, Боренька.

– Эх... – вздохнули на том конце трубки. – Только ты меня, Батя, Боренькой называешь.

– Ну у меня же самая гуманная в мире профессия.

- Верно, – еще раз вздохнул собеседник Дениса, младший из братьев Черепановых. – На субботу все в силе?
- Боренька, у тебя ранний склероз. Я же предупреждал еще месяц назад – юбилей у Валентина Денисовича, не до волейбола мне.
- А как же наш матч-реванш?
- Уж как-нибудь без меня. Федора Вадимовича поставьте на мое место, у него подача хорошая.
- Влюбился наш Феденька, – фыркнул Борис. – Любовь у него настала, весь в чувствах, ажитации и рассеянности.
- Имеет право, – рассмеялся Дэн. – Сдал анатомию – можешь влюбиться. Вы только после патана¹¹ за ним следите.
- А это не моя печаль, пусть Вадька за сыном следит, – ответно рассмеялся Черепанов-младший. – Хорошо, понял тебя, поищем кого-нибудь на замену. Надо будет позвонить, поздравить Валентина Денисовича.
- Поздравь обязательно, доставь старику радость.
- Договорились. Ладно, не буду отвлекать. Тезке привет передавай.
- Совсем вы у себя в прозекторской одичали, Борис Андреевич, – Дэн отложил последнюю историю в стопку. – Уже лингамам¹² приветы передаете.

¹¹ «Сдал анатомию – можешь влюбиться, сдал патан – можешь жениться» – расхожая поговорка студентов-медиков.

¹² Лингам – в древнеиндийской мифологии и некоторых течениях индуизма символ божественной производящей силы.

– Вот за что люблю тебя, Батя, так это за то, что ты обыкновенному члену кучу умных названий знаешь. Не зря тебя Вадик культ-урологом называет.

– Вадим Андреевич тот еще лингвист, точно. Ты вообще в его перечне врачебных специальностей значишься как проктологоанатом.

– Много свободного времени у Вадима Андреевича, вот что я тебе скажу, – проворчал Борис. – Ладно, хороших выходных, Диня. Валентину Денисовичу я позвоню, а ты, друг мой, береги печень. Это я тебе как человек самой негуманной в мире профессии говорю.

– Обязательно.

* * *

На юбилей Геннадия Игоревича собирали полным составом.

– Дедушка! Подарок не забудь!

Внук больше всего волновался за подарок, который накануне вечером заворачивали в синюю гляцевую обертку, и Никита лично клеил сверху открытку с нарисованным на ней парусником.

Оля предположила, что на выбор подарка имениннику повлиял недавний поход на футбол и последующая за ним ностальгия. В итоге упаковывали большую красивую книгу-фотоальбом «Москва XX века» со старыми послевоенными

ми дворами, не существующими ныне стадионами, очередями в автоматы с газированной водой.

— Память — это очень важно, — сказал вчера отец, поглаживая обложку. — Тут наше детство и юность, — а потом помолчал и добавил: — А еще важнее память не просто сохранить, а и передать дальше. Чтобы корни помнили, историю знали, землю свою любили.

Сказал и вздохнул.

— Геннадий Игоревич, галстук сюда нужно все-таки другой, — Изольда Васильевна окинула критическим взглядом парадную одежду. — Этот хорош, но слишком уж каждодневный. Вы же не на рабочее совещание идете, а на юбилей.

— А юбилей сильно отличается от рабочего совещания?

— Конечно! Юбилей — это праздник, так что снимайте ваш синий. Темно-бордовый в самый раз будет.

— Может, тогда уж и нагрудный платок уголком в карман добавить? — Оля заметила, как глаза отца слегка заблестели.

— Может, — Изольда Васильевна задумчиво посмотрела на своего собеседника. — Только у вас его все равно нет.

Галстук пришлось менять, потому что соседка, всю жизнь прослужившая в столичном театре и общавшаяся в силу профессии с огромным количеством небезызвестных людей, была непререкаемым авторитетом в части светского этикета.

В итоге про подарок все же забыли. И вспомнили уже на пороге. Никита побежал в комнату за красивым свертком.

— В машине не оставьте, — напутствовал мальчик, прово-

жая деда.

Не оставили. И даже в ресторан успели вовремя.

– Ну что, – Оля повернулась к отцу с улыбкой. – Праздник в теплой компании ждет. Отдохни и не забудь пригласить на танец знойную красотку.

– Думаешь, здесь такие будут?

– Вот заодно и узнаешь. Я тебя после банкета заберу.

– Да зачем, дочка? Я на такси доеду.

Оля включила дворники. Снова начался мелкий моросящий дождик. Хорошо, что машину помыть не успела. Ранний октябрь – всегда лотерея. Чаще всего в проигрыше оказывается водитель, заботящийся о чистоте своего четырехколесного друга.

Осенний город встречал ранние сумерки. Во многих домах уже включали свет.

– Я заберу тебя, – повторила Оля. – В девять, наверное, рано. В десять?

Отец подавил вздох смирения:

– Я позвоню.

* * *

– Ну надо же... – Геннадий Игоревич задумчиво покрутил телефон. – Я ведь за день до землетрясения приезжал в Бам – для путеводителя материал набирал. И ты в Баме был, оказывается.

– Когда я в Иран прилетел, Бама уже не было, – вздохнул Валентин Денисович. – Одни руины¹³.

– Вот так все под богом ходим, – ответно вздохнул Зеленский и замолчал.

Это философскую сентенцию Батюшко-старший комментировать не стал. У врачей свое понимание причинно-следственной связи в событиях, подобных трагедии в иранском городе Баме. А Гена Зеленский с самого детства был всегда романтически настроен.

Геннадий Игоревич отсутствие ответа расценил по-своему.

– Пойду я, Валя. Засиделся. Пора и честь знать.

Однако по тону собеседника доктор Батюшко угадал, что старому другу уходить вовсе не хочется. Да и Валентин Денисович был совсем не прочь продлить этот вечер и этот разговор. Поэтому он молча разлил коньяк по бокалам. И его собеседник так же молча убрал свой телефон обратно в карман, поднял снифтер и провозгласил тост.

– Давай за детей, Валька. Вон у тебя какой сын. Гордишься, скажи честно?

– Конечно, – Валентин Денисович пригубил спиртное. И прижал палец к губам: – Только тсс. Ему не говори. И так весь из себя зазнайка.

– И мне жаловаться не на что, – улыбнулся Зеленский. А потом улыбку сменила легкая поволока в глазах. – Вот ведь

¹³ Здесь имеется в виду землетрясение в иранском городе Баме в 2003 году.

как бывает, Валя... Дочку нашел. Все эти годы в себе носил, – правая ладонь коснулась груди в области сердца. – Думал, так и останусь один. А теперь у меня дочка есть. И внук.

Генка всегда был излишне чувствительным, по мнению Валентина Батюшко. Но сейчас друга можно было понять. Дочка – славная такая молодая женщина. И внук, опять же.

- И любит тебя, бродягу старого. Видно, Гена, как любит.
- И командует! Ключи отобрала от машины, представляешь? Говорит, отдам, когда совсем на ноги встанешь.
- Заметно, что она у тебя с характером, да. Слушай, кстати о ключах. Помнишь, как в выпускном классе...

* * *

Денис давно перестал прислушиваться к разговору. Даже отсел подальше, чтобы не мешать потоку воспоминаний двух давних приятелей. Устроился у дальнего края огромного банкетного стола, повесил пиджак на спинку соседнего стула, сунул галстук в карман, ноги вытянул. Чтобы ничто не мешало насладиться первым полноценным за вечер бокалом сухого красного грузинского вина, а также подвести итоги мероприятия.

Итоги Денис за вторым бокалом признал удовлетворительными. Официально и строго в начале, немного суматохи в середине и веселье в финале. Даже возникло сомнение, что его, веселье это – в исполнении очень уважаемых и до-

стойных людей, в числе которых значились кандидаты и доктора медицинских наук, заведующие отделениями и целыми больницами, – что его удастся как-то обуздать. Но возраст гостей и поздний вечер сделали свое дело. И теперь в зале ресторана всего трое, не считая периодически появляющихся официантов, занятых уборкой. Помещение Денис предусмотрительно арендовал до полуночи, поэтому карета пока не торопилась превращаться в тыкву, а вино – в воду. Хорошее сухое вино – в этом удовольствии Денис себе по возможности не отказывал. Исключительно в терапевтических целях, по рекомендации кардиолога Черепанова. Вот и сейчас, недолго раздумывая, потянулся к бутылке, чтобы наполнить бокал. И тут их в зале стало четверо. В дверях, ведущих в фойе, появилась фигура, немного постояла, а потом нерешительно двинулась в сторону беседующих.

Свет в зале был приглушен, поэтому лишь после нескольких шагов Дэн понял, кто это.

Богиня.

Надо сказать, что в женщинах Денис особо ценил ноги и походку. Потому что осанка и движения говорят о многом. Ровная спина свидетельствует об уверенности, а заодно позволяет обстоятельно оценить фронтальную проекцию. Постановка ног и положение рук показывают общую скоординированность. Координация движений – вещь важная во многих аспектах жизни, а в некоторых – особенно.

И сейчас Денис с удовольствием наблюдал за парой

божественно длинных ног, обтянутых джинсами, которые неспешно и грациозно несли свою хозяйку к центру зала. Выше джинсов находилась куртка свободного кроя, поэтому фронтально оставалось полагаться только на собственный оптимизм. Который весьма подогревал вид рассыпавшихся по плечам светлых золотистых волос. Наш любимый цвет. И с размером все должно быть в соответствии.

Дэн прыгнул выше головы, в течение месяца готовя юбилей отца. Он все мероприятие образцово исполнял свою роль примерного сына. И теперь – героя настигла награда. Вино в бокале стало еще вкуснее, а потом Денис стянул со спинки стула пиджак и пошел за своим заслуженным призом.

За два шага до девушки осознал две вещи. Первое – не богиня, нет. Красотуля. А второе – это Ольга Зеленская. Денис сбился в движении лишь на секунду. Но... уже улыбался, уже совсем другими глазами смотрел на нее – лицо, глаза, волосы, фигура. То, что она дочь его пациента, – теперь в прошлом. Сейчас перед ним красивая женщина. Красот...оля.

А значит, берем базовый сценарий и импровизируем по ходу.

– Оля, наконец-то! Не чаял дожидаться! – его ладонь аккуратно легла на острый женский локоть.

Денису не удалось ее смутить в первую встречу – к слову сказать, не очень-то приятную. Правда, потом все, кажется, сгладилось. Зато сейчас удивить получилось. Голубые гла-

за с красивым разрезом совершенно этот разрез утратили и округлили. Она так и стояла, молча и кругло глядя на него, словно на незнакомца. Прекрасно, эффект неожиданности сработал. А тут и отец подоспел на помощь.

– Динька, раздень девушку и проводи к столу!

– Желание именинника – закон, – жертву надо брать, пока она дезориентирована. Поэтому Денис ловко освободил продолжавшую молчать и хлопать глазами Ольгу от куртки, успев одной рукой повесить верхнюю одежду на вешалку, а другой снова восстановить контакт ладони и локтя: – Прошу к столу.

– Это неудобно... – у Ольги Зеленской наконец прорезался голос. – Уже поздно, вы устали...

Фраза про то, что на самом деле неудобно, когда после шестой кружки пива ширинку заедает, Денис опустил. А вместо этого, точно зная, какой эффект производит на женщин его голос, проговорил, слегка наклонившись к ее уху.

– У них... – указал рукой в сторону спорящих о чем-то приятелей, – только самое веселье началось. Еще час будут предаваться воспоминаниям. Оля... – еще чуть-чуть ниже – и наклониться, и голосом: – Вы же не оставите меня тосковать в одиночестве? Я вас весь вечер ждал.

Ему показалось, что она даже слегка вздрогнула на этих словах. Но тут Валентин Денисович обернулся и энергично замахал рукой. Словно то ли очнувшись, то ли решившись, Ольга сделала шаг вперед. И локоть пришлось выпустить.

Батюшко-старший – и пятнадцать капель в нем – щедро продемонстрировал госте свою галантность. И пальчики да-
ме пожал, и комплиментов наговорил. В общем, совершенно
того не подозревая, лил воду на Денисову мельницу.

– Оленька, посидите с нами у камелька часок, будьте лас-
ковы. Мы коньячок с Генкой допьем, пошушукаемся еще
немножко. Разговор такой душевный у нас, да и вообще. Де-
ниска, ты барышне не дашь скучать?

– Ни в коем случае, – уверил отца Денис. Хотя женский
локоть он отпустил, но стоял близко. Телесный контакт на
начальном этапе размыкать надолго нельзя.

Между тем Зеленские переглянулись между собой, и стар-
ший слегка неуверенно улыбнулся:

– Полчасика подождешь? Никитка спит?

– Спит, – кивнула Ольга. А потом улыбнулась – пока не
Денису, увы, а его отцу. – Сегодня ваш день, отказывать про-
сто нельзя.

Валентин Денисович согласно и довольно закивал. Оба
приятеля смотрели на Ольгу Зеленскую с каким-то одинако-
вым умиленным выражением. А Ольга смотрела на Дениса.
На лицо вернулась былая невозмутимость, а в глазах читал-
ся вопрос. Ах да, он же обещал не давать ей скучать. Сейчас
все исполним.

Устроились они у дальнего конца, на том же месте, где до
этого в одиночестве наслаждался вином Денис. Теперь кар-
тина существенно изменилась в лучшую сторону.

– Вино предлагать не стоит, я верно понял? – Дэн взялся за бутылку. Ольга наверняка за рулем, иначе не была бы здесь. Но спросить все равно стоит.

– Верно.

– Жаль. Оно тут неплохое. Сейчас узнаем, какой здесь варят кофе, – в зале как нельзя вовремя появился официант, и Денис махнул ему рукой. – Латте или капучино?

– Американо. Как вы думаете, здесь курить можно?

Во время банкета дым стоял коромыслом, поэтому Денис озвучил заказ:

– Американо и пепельницу.

А потом наполнил свой бокал. Вино давало дополнительную свободу импровизации. Долгий глоток, взгляд на девушку напротив. Она же в это время смотрела вслед официанту. Судя по всему, пришла в себя. Значит, настало время для отвлекающего маневра.

– Как ведет себя наш больной? Дисциплинированно?

– С переменным успехом. И скорее да, чем нет, – Ольга повернулась к Денису. Что-то изменилось в глазах, настороженный взгляд стал мягче. – Спасибо.

Нет, благодарность – это не та почва, на которой произрастут нужные семена. Но как повод – сойдет.

– У врачей есть такая циничная поговорка: спасибо в карман не положишь и в стакан не нальешь, – Денис наблюдал, как на столе появляется белая чашка с кофе и белая же пепельница. Кивнул официанту, благодаря. – Поэтому вме-

сто спасибо предлагаю выпить на брудершафт и перейти на «ТЫ».

Она посмотрела на принесенную чашку, потом на его бокал, а затем – на пепельницу. Слегка усмехнулась.

– Давайте просто на «ты», без брудершафта, Денис Валентинович.

– Давай, – дело движется в нужном направлении, и можно вознаградить себя глотком вина.

Ольга между тем вытряхнула сигарету из пачки и щелкнула зажигалкой. Она закурила, а Дэн смотрел.

Он спокойно относился к курящим женщинам – они не вызывали у него ни праведного гнева, ни восторга. Это частное дело взрослого человека, всего лишь. Тем более сам иногда баловался. По тому, что и как человек курит, о нем можно кое-что сказать. Ольга Зеленская держала сигарету по-мужски. И сами сигареты у нее были не дамские, тонкие и ароматизированные, а табачная классика. Серая пачка – кажется, «Данхилл». И несмотря на все это, смотрелась Ольга с сигаретой неожиданно элегантно. Красивые губы мягко обнимали оранжевый фильтр без следов помады. Дым она выдыхала аккуратно и в сторону, давая возможность полюбоваться на хороший профиль и тонкие ключицы в вырезе черного джемпера. Там, под джемпером, – любимая Денисом двочка, это он определил уверенно. Стало быть, оптимистический прогноз оправдался. Несмотря на мужскую манеру курить, все остальное в Оле было более чем женским и

красивым, притом что на ее лице не заметно следов косметики. Денис давно научился отделять шелуху в виде макияжа, прически и прочих женских хитростей от того, что под ними. Он любил настоящую, возможно, не всегда яркую, но неподдельную красоту. Ольга обладала именно такой.

С другого стола раздался энергичный возглас, и они оба повернули головы. Там явно разгорелся нешуточный диспут, и в дело пошли аргументы в виде вилок и тарелок, которые спорщики двигали по столу, доказывая друг другу что-то. А Денис понял, что пора переходить к следующему этапу. Опять же, отцу обещал.

– На минутку буквально отлучусь.

Ольга кивнула, невозмутимо выпустив в сторону длинную струю дыма. А хорошо все-таки, что про шесть кружек пива не сказал. А то сейчас было бы точно неловко.

Спустя не минуту – две, наверное – в зале зазвучал «Fragile»¹⁴.

– Я обещал тебя развлекать.

Красивые длинные пальцы с аккуратными, лишенными лака ногтями дрогнули. И серый столбик упал мимо пепельницы, пока Ольга смотрела на протянутую ей руку. Отлично, снова удивил. Два – ноль.

– Ты кури, я подожду, – он наклонился к ней, убрал от женского уха прядь светлых волос. И пожаловался: – Я сегодня выходил танцевать трижды. Одной моей партнерше бы-

¹⁴ «Fragile» – композиция британского певца Стинга.

ло семьдесят, другая весила килограммов сто, третья была моей двоюродной теткой. По-моему, я заслужил танец с красивой девушкой.

Она замерла и смотрела на его ладонь. В ее пальцах дымила непогашенная сигарета. Которая была решительно потушена и оставлена в пепельнице, а Оля повернула лицо. Прямой открытый взгляд и принятая рука.

– Пошли.

Существует такое расхожее выражение – с хирургической точностью. По целому ряду причин Денису оно очень нравилось, но сейчас подходило к ситуации наиболее всего. Он именно так все и сделал – с хирургической точностью. Вне операционной, в центре банкетного зала, пригласив женщину на медленный танец. И сейчас партнерша в его руках расположена идеально выверенно. На точной границе приличий и интимна. Может быть даже, Дэн слегка зашел за эту границу. Но не стреляют ведь. Даже окриков нет.

Это все глупости, что, если женщина говорит «нет», на самом деле она говорит «может быть». Женщина способна сказать «нет» вполне отчетливо – ее просто нужно услышать. Слушать и слышать Денис умел. И сейчас нигде не было отторжения: ни в ритме дыхания, ни в реакции зрачков, ни в тоне мышц под пальцами. Его прикосновения не вызывают неприятия, а в женском взгляде читается любопытство. Очень даже неплохое начало. Они двинулись с первыми строками припева.

On and on the rain will fall...

– Оля, расскажи, чем ты занимаешься? – стандартное и работающее в девяноста процентах случаев начало. А ладонь у нее крепкая. Кожа мягкая, но сама хватка – ни вялости, ни манерности.

– Я езжу на больших машинах и предлагаю мужчинам подвезти их вместе с шевроле.

Всю только-только наметившуюся близость в разговоре Денис разрушил сам – расхохотался. Ну надо же – запомнила. Злопамятная? Или Дэн произвел на нее настолько неизгладимое впечатление? Похоже на то, что сегодня день, когда сбываются самые оптимистические прогнозы. И еще очень мягко двигается изгиб женской спины под ладонью. А значит, все идет по плану.

– Ну, раз это твоя основная деятельность, то я могу рассчитывать на повторение предложения? Обещаю не капризничать и оставить шевроле на парковке.

Она подняла лицо и посмотрела ему прямо в глаза. Разница в росте у них – сантиметров десять, а то и меньше. А если каблуки наденет – так и вовсе сравняются. Целоваться удобно будет. Но следующие слова перспективу поцелуев отодвинули.

– Не действует. Меняйте тактику, Денис Валентинович. Три по сто вина в нем просто неприлично развеселились

этим словам. Да и сам Денис не смог удержать смешок. Оля смотрела сквозь легкий прищур, а он, не отводя взгляда, сократил еще на миллиметр дистанцию между ними. А может быть, и на два. И чуть-чуть погладил пальцем подушечку ее большого. Никакого отторжения его действия не вызвали. Лишь любопытство в глазах стало откровенно веселым.

Они какое-то время молча пытались друг друга переглядеть, неспешно двигаясь под медленный британский речитатив. Его палец продолжал едва заметно гладить ее ладонь. Она же руку не отнимала. Пахнет от Оли приятно – не приторно, не тяжело, не сладко. А городом после дождя, осенними листьями и немного табачным дымом.

– Ты дашь мне свой номер телефона или мне его узнать у твоего отца?

– Не так. **ТЫ** дашь мне свой номер, а я позвоню... – после паузы, – может быть.

Именно в этом месте было сказано: «Хватит, достаточно». Безмолвно, но четко. Ольга явно из тех, кто умеет говорить «нет», и Денис ее услышал. Они друг друга слышали. Он разжал пальцы, она отступила.

Прощались долго и шумно – старшее поколение. Младшее стояло рядом молча, изредка бросая друг на друга взгляды. А на прощание Ольга ему сказала: «До свидания, Денис Валентинович». Ну, пусть будет Валентинович сегодня, пусть. Воспользовавшись тем, что Валентин Денисович и Геннадий Игоревич снова принялись обниматься, прощаясь,

Дэн поднес руку с отогнутыми мизинцем и большим к уху. И беззвучно, одними губами: «Позвони мне. Буду ждать». Согласно кивка не дождался. Улыбки – тоже. Но любопытство в глазах сменил интерес. Настоящий женский интерес. А значит, процесс пошел.

* * *

Он убрал волосы от ее уха. Это раз. Совсем по-хозяйски. Словно она давала разрешение.

Он гладил ее пальцы. Это два.

Он очень недвусмысленно ее к себе прижимал. Это три.

Она даже не сразу поняла, что это было.

Однако...

Неужели это вы, Денис Валентинович? Тот самый, который так неприветливо и недвусмысленно указал на дверь при первой встрече?

Или тот самый, который потом вел себя абсолютно корректно и воспитанно, так, что Оле даже показалось: не пришло ли неудачное сентябрьское знакомство?

Или тот самый, про которого сплетничали медсестры?

Еле удержалась, чувствуя мягкие и уверенные поглаживания ладони, чтобы не поинтересоваться, куда бы доктор Батюшко посоветовал пришить пуговицу ей, Оле.

Так почему же позволила? Так легко позволила то, что ни разу не позволяла ни одному... клиенту.

Почему?

Да потому, что сто лет не танцевала медленные танцы, черт побери!

Почти все окна в доме напротив были темными. По стеклу негромко барабанил осенний дождь. В квартире стало тихо. Отец, отвыкший от поздних посиделок, почти сразу лег в постель, Никита уже давно видел десятый сон.

И только Оля привычно сидела в полночь на кухне, пила чай и курила, слушая тишину и дождь. Это ее время. Иногда так важно послушать тишину и остаться наедине со своими мыслями.

А сегодня ее пригласили на танец. Последний раз это было под Новый год, как сейчас модно говорить – на корпоративе. Не очень трезвый водитель вышки¹⁵ набрался смелости и пригласил Ольгу Геннадьевну на «Ах, какая женщина, мне б такую». В целом Новый год получился веселым, с конкурсами и караоке, так что и тот медленный вроде как пошел в зачет: потанцевала.

А сегодня вот еще раз. Уже под Стинг. И уже не с водителем вышки. Оля усмехнулась своим мыслям. Кто бы знал, что у нее голове? Если отодвинуть в сторону все проблемы, заботы, работу, клиентов, уроки, покупки и предстоящее родительское собрание.

Если остаться наедине с самой собой. Что вы хотите для

¹⁵ Вышка (здесь) – автомобиль, оснащенный устройством для подъема и перемещения рабочих с инструментом и материалами.

себя, Ольга Геннадьевна? Банальности.

Цветы. Танец. И чтобы чувствовать... Стоп. Жалеть себя не будем.

Она встала, вытряхнула содержимое пепельницы в мусорное ведро, вымыла чашку и выключила на кухне свет. Вот и еще одно окно в городе погасло.

Уже засыпая, Оля подумала сквозь дрему, что в следующий раз непременно поинтересуется насчет пуговицы и месте ее размещения.

Хотя... будет ли следующий раз?

* * *

– Не любите вы Анну Романовну.

– Заместителя по АХЧ¹⁶ любить не обязательно, – Денис аккуратно положил трубку на рычаг. – Достаточно с ней не ссориться.

– Вы с ней вежливо, да, – Тося совершенно перестал тушеваться, и, если ему интересна тема разговора, согнать с нее интерна невозможно. Да и любопытство явно значилось у парня второй натурой: – Но только по лицу видно, как вы к ней на самом деле относитесь. Так что фейсконтроль усильте, гражданин начальник.

– Яйца чле... курицу учат, – хмыкнул Денис. – Во-пер-

¹⁶ АХЧ – административно-хозяйственная часть.

вых, она моего лица по телефону не видит. Во-вторых, ты переоцениваешь проницательность Анны Романовны. У нее в голове несколько иначе все устроено. Значительно проще.

– Она вас обидела?

Вот тебе и Тося! За обманчивой внешностью юного мальчика с невинными глазами скрывалась бульдожья хватка. Бабушкина натура, надо полагать, давала себя знать.

– Ты как себе представляешь, чтобы меня кто-то обидел? – Денис откинулся назад на спинку стула.

– Слабо, – улыбнулся Малин. – Потому и интересно.

– Ладно, – кивнул после небольшого раздумья Дэн. – Расскажу. Все равно она всей больнице разрезвонила. Ты про мужа ее знаешь?

– Нет, – Антон любимым жестом подпер рукой щеку в ожидании очередного рассказа.

– Ну, он бывший уже. Года три назад одним томным майским вечером – я дежурил как раз – отворяется дверь ординаторской, и является Анна Романовна. С мужем своим... под мышкой практически.

Тося представил себе пышные формы знойной женщины, мечты неизвестного поэта – и рассмеялся. Но тут же подавил ладонью смехок. А Денис продолжил:

– А мужик у нее был – золотые руки. У нас же работал. Инженер от бога. Все мог подключить, настроить, починить – от лампы до томографа. Вся больница на него молилась. Но Анну Романовну он не удовлетворял. Как мужчина, а не как

инженер. Усадила мне его на стульчик и велела исправить ситуацию.

– И вы... смогли ему помочь?

– Тут медицина бессильна, Антон Евгеньевич. По крайней мере, наше направление. Психиатрия, может, и помогла бы. Но не ему, а ей. Объяснить, что мужчина – это не ходячий банк спермы на тощих волосатых ножках, который нужен только, чтобы детей завести и вообще – чтобы в хозяйстве был и постель грел. И что у него тоже могут быть те самые дни. Когда не то что секса – жить не хочется. Только я лично не знаком с психиатром, который смог бы пробиться сквозь семь сантиметров лобовой кости замдиректора по АХЧ. Там ситуация банальная до обидного. У мужчины от усталости или на нервной почве случилась в постели осечка. В ответ – скандал, ты не мужик, зачем ты мне, иди на диван. В следующий раз он уже боится, а страх – лучший друг эректильной дисфункции, как известно. После третьего-четвертого раза там уже ничего не шевелится – ибо кто будет поднимать голову, когда работает бензопила? Вот так вот женщина может сама на ровном месте создать из ничего – проблему. Если ей не хватает мудрости и такта.

– И что... и как... чем дело кончилось?

– Дело кончилось тем, что мы выпили по чуть-чуть коньяка, я два часа его слушал, а потом дал один совет.

– Какой?

– Подать на развод.

– Эх, Денис Валентинович... – картинно вздохнул Малин. – Разрушили образцово-показательную советскую семью. Сам не ам и другим не дам.

– Какие мы мудрые, поглядите-ка, – передразнил интерна Дэн. – Детей у них не было. Опять же, из-за мужа слабосильного, по мнению Анны Романовны. А слабосильный муж, между прочим, с полгода назад забегал ко мне. С коньяком. Женился на молоденькой девчонке, ждет пополнения семейства. Доволен и счастлив. Так что ничего я не разрушил.

– Надо полагать, о вашей роли в распаде семьи Анна Романовна не в курсе? – проницательно прищурил глаз Антон.

– Надо полагать, – в тон ему ответил Дэн. – Муж не сказал, а в силу интеллекта Анны Романовны только ты веришь.

Малин какое-то время молчал, размышляя об услышанном. А потом повторил фразу, с которой начался этот разговор. С небольшим видоизменением.

– Не любите вы женщин, Денис Валентинович.

– Отчего же не люблю? – Денис встал с места и взялся за пуговицы халата. – Женщин, особенно красивых, люблю. А вот вздорных баб – нет.

А кстати о красивых женщинах. Что-то не звонит ему одна интересная блондинка. Денис протянул руку, взял со стола телефон, проверил. Ни звонков, ни сообщений.

Куда ты пропала, Оля-красотоля? Почему не звонишь?

Телефон зазвонил, когда Оля была одна. Никита с дедом отправились в «Лужники» изучать Аллею славы, Изольда пошла в гости к подруге, которая тридцать лет проработала билетершей в театре и желала срочно поделиться новостями и мнением о новой постановке.

И это было кстати. Потому что не надо выходить в другую комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Не надо понижать голос при разговоре. И даже... даже не надо выбирать слова.

– Здравствуй, мама.

– Привет. Вот звоню узнать, как твои дела. Сама-то не звонишь, совсем забыла родную мать, как только на горизонте появился отец.

– Не начинай.

– А что так? Правда глаза колет?

– Ничего мне не колет. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Лучше скажи, как твои дела.

– А у меня все прекрасно. Вот вчера приехали с дачи. Думаем на следующий год беседку поставить, а в ней камин, чтобы, когда друзья и родственники приезжали, можно было посидеть вечерами.

– У тебя так много родственников?

– Не передергивай! И не лезь в мои дела. За своими лучше следю. Я, во всяком случае, тебя никогда не оставляла

на чужих людей, как ты бросаешь собственного ребенка на престарелую, выжившую из ума актрису.

– Но ведь ты же не проявляешь желания забрать из школы собственного внука, пока я на работе.

– Я свое, дорогая, отсидела, пока тебе семнадцать не исполнилась, свой долг матери выполнила, а Никита – твой ребенок.

– Вот потому, что он мой, я и решаю, с кем его оставлять в мое отсутствие.

– А сейчас он где? В планшете сидит по уши? Как все современные дети?

– Ну почему же, он с дедушкой гуляет в «Лужниках».

Пауза.

– Значит... с дедушкой.

– У дедушки нет дачи, где надо строить беседку с камином, поэтому он вполне может себе позволить прогулку с внуком.

– Ты все же очень неблагодарная дочь.

– Я знаю.

На этом разговор закончился. В трубке послышались гудки. Оля положила телефон на стол и пошла открывать окно. После общения с матерью всегда становилось душно. Каждый звонок – маленькая война. И даже при явной ничьей – постоянный привкус поражения и горечи. Ведь это мама.

Глава 5. Homo sapiens

17

– Спасибо вам! – раз, наверное, в третий поблагодарил Зелен-ский.

– Совершенно не за что, – дежурно отозвался Денис. – Поверьте, мне тоже приятно иметь дело с дисциплинированным и разумным пациентом.

– Это дочка меня к дисциплине приучает, – немного смущенно улыбнулся Геннадий Игоревич. – Чтобы теперь за здоровьем следил и режим соблюдал.

– Она совершенно права. Исключительно ответственный и обязательный человек ваша дочь. Передавайте Ольге Геннадьевне мой сердечный привет.

– Конечно! – кивнул Зеленский и стал прощаться. Ну, если ты и таких намеков не понимаешь, Оля-красотоля, то придется тебя при следующей встрече отшлепать. В терапевтических целях. Обещала же. Надо держать слово, уважаемая бизнес-леди.

Едва за Геннадием Игоревичем закрылась дверь, как в нее тут же поскреблись.

– Можно? – раздалось с той стороны, в приоткрытую щель.

¹⁷ Homo sapiens (лат.) – человек разумный.

Кто это у нас там такой робкий и нерешительный?

– Заходите, голубчик, заходите.

Голубчик долго топтался на пороге, в лучших традициях комедии положений пытаясь обуздать дверную ручку. Денис уже стал переживать за сохранность фурнитуры, когда с третьей попытки у пациента получилось дверь закрыть и обернуться.

– Добрый день, доктор.

Быстрые движения рук носили явный невротический характер, а узкие плечи и астеническое телосложение дополняли общую картину. «Наш клиент», – резюмировал про себя Денис. И, ободряюще улыбнувшись, указал рукой на стул.

– Добрый день, – Дэн скосил взгляд на карту, – Евгений Борисович. Садитесь и рассказывайте, что случилось.

Пациент устроился на краешке стула, классическим нервным движением сцепил руки в замок на колене, стыдливо покосился на Николая и замер, глядя на Дениса сквозь тонкие стекла очков. «Ранняя импотенция», – про себя решил Дэн, отвечая Евгению Борисовичу отработанным до автоматизма благожелательным и успокаивающим взглядом. И какое-то время они так и смотрели друг на друга в абсолютной тишине. Даже Тося в соседнем кабинете престал шуршать бумажками, явно превратившись в одно большое ухо.

– Доктор, я хочу ребенка.

Из смежной комнаты раздался негромкий звук, и Денис дал себе слово, что если интерн выдаст себя еще хоть чем-

нибудь, то устроит парню нагоняй. Давно пора – уже месяц у него работает, а шея еще не мылена ни разу.

– Похвальное желание, – невозмутимо кивнул Денис. Надо же, ошибся с предварительным диагнозом. – Есть та, которая с вами его разделяет?

– Что? – Евгений Борисович несколько раз растерянно моргнул, а потом сообразил. – А, да-да, есть, но... не получается.

– Это бывает. На зачатие влияет множество факторов, начиная от генетики и заканчивая образом жизни и режимом питания, – Денис проговаривал стандартные фразы, параллельно открывая карту. – Сейчас я буду задавать вопросы, а вы на них отвечать. А потом перейдем к осмотру. Итак, вопрос первый...

Больше всего в этом пациенте Дениса забавляло, как он старательно отводил глаза от экспонатов коллекции. А на осмотре так и вовсе очи прикрыл и едва дышал. Какие все-таки мужики существа нежные в основной своей массе. Жаль, женщины этого не понимают.

Клиническая картина нарисовалась стандартная: офисный работник, по состоянию здоровья – утомляемость и хандра, регулярность половой жизни – еженедельно, жена уже проверилась, со слов пациента, там полный порядок, не предохраняются год. В общем, копать и копать.

– Жду с результатами, – Денис протянул Евгению Борисовичу пачку направлений.

Тот, естественно, все это уронил, собрал с помощью Тоси и, многословно попросившись и выдержав еще одну битву с дверной ручкой, исчез из кабинета. И тут Малина прорвало.

– И часто у вас ребенка просят?

Денис усмехнулся в ответ.

– Не поверишь, поначалу ржал – не мог сдержаться. Потом привык.

Тося помолчал, а потом эффектно возложил длань на Николая. Что за этим последует, Дэн уже знал.

– Ребенка просят у Дениса,

Наверно, это неспроста.

Пора менять халат хирурга

На перья супераиста.

Если бы знал, что с интерном так весело будет, давно бы взял.

– Клюв уже есть, – Денис потер спинку носа. – Но перья – это не мой стиль. А, кстати о перьях... Лобковое оволосение по женскому типу, однако, у нашего Евгения. Что не есть хорошо, это я тебе как аист говорю. Ну да подождем спермограмму.

* * *

– Прямо так и сказал: ответственная и обязательная?

– Да, – отец с гордостью посмотрел на дочь, – и даже добавил, что на тебя можно положиться.

– Ну, это он из вежливости, – Оля разглядывала папку, что держала в руках.

Они сидели в машине Геннадия Игоревича. Теперь роли поменялись, и уже отец работал временно водителем, потому что Оля сдала своего верного железного коня на диагностику. Сидеть в небольшом седане отца было необычно. «Как у него тут все помещается? – думала она. – Места же совсем нет».

Когда-то, когда Оля только начинала работать, она познакомилась с одной очень интересной клиенткой. И та давала ей весьма интересные советы. «Дамскую сумку, – говорила она, – нужно выбирать так, чтобы в нее помещался батон хлеба и пакет молока. Тогда она функциональна».

Совет Оля запомнила – и именно по этому принципу несколько лет спустя выбирала себе машину. И не ошиблась. Туда помещалось все: буклеты для заказчиков, коробки с сувенирной продукцией, футбольный мяч, хоккейная клюшка, сменная обувь на шпильках (если надо выглядеть), и еще оставалось место для покупок из супермаркета.

– Нет, не из вежливости, – стоял на своем отец. – Денис Валентинович просто так говорить не будет. Он серьезный человек и серьезный врач.

– Как врач он серьезный, да, – согласилась Оля.

А вот как человек... в словах, переданных отцу, она уви-

дела совершенно другой смысл. Даже иронию. Он явно намекал на телефонный звонок. И снова вспомнилась пуговица. И танец, и откровенный флирт. Серьезный человек?

Впрочем, сегодня еще один серьезный сказал ей с не меньшей иронией:

– И вся-то вы, Оленька, снежная, не тяжело быть такой?

– Нет, – ответила она «слизною», – повышает работоспособность.

Он сидел в ее кабинете и покачивал ногой, пока она пыталась рассказать ему, почему они не могут сделать двустороннюю печать листовок, если в договоре значится односторонняя и оплачено именно за эту услугу.

– И на кофе больше не пойдете?

– Не пойду. Андрей Николаевич, все пункты нашего соглашения будут выполнены в срок. Пилотные модули для местной прессы вам предоставлены. Могу еще чем-то помочь?

Он все так же покачивал ногой, а потом резко встал со словами:

– Знаете, мне расхотелось пить с вами кофе. Снег на зубах вязнет.

Это прозвучало почти оскорблением. И она съела. Потому что нужный человек для Ларионова и скандала с ним ей не простят.

А теперь вот еще про «выполнение обязательств» напомнили.

Что-то неправильно у нее с мужчинами.

– Пап, скажи мне как мужчина, женская гордость еще в цене?

Отец внимательно посмотрел на Олю. Она разглядывала папку, но взгляд чувствовала.

– А почему ты спрашиваешь?

– Мне просто интересно.

– Для меня – да. Для меня это на грани с чувством собственного достоинства. У человека обязательно должно быть чувство собственного достоинства.

– И иногда его очень непросто сохранить, – тихо проговорила Оля.

Теплая рука отца легла на ее ладонь.

* * *

– Хорошо-то как, мальчики... – Денис вытер волосы и повесил полотенце на шею. – Как же я, оказывается, соскучился.

– По нам, надеюсь? – Череп, он же Боря Черепанов, младший из двух братьев и однокурсник Дениса, вытянул поперек раздевалки свои длинные ноги.

– По волейболу. Вы к нему бесплатно прилагаетесь.

– Это еще вопрос, кто к кому бесплатно прилагается, – по своей скверной привычке всегда и со всеми спорить проворчал Боря. Но его перебил старший брат:

– Денис, помнишь, ты про умный презерватив рассказывал?

– Угу.

– Ну так я же купил!

Борис захохотал первым, а потом его поддержали и остальные трое – кроме Вадима Черепанова. Он поджал губы и вытащил из кармана куртки телефон.

– Они пусть ржут, что с них взять. А ты оценишь, Денис Валентинович. Вот, смотри, приложение специальное, тут вся статистика, между прочим.

– Ну-ка, ну-ка, – компания мужчин сгрудилась, передавая гаджет из рук в руки.

– То есть, по сути, это фитнес-браслет, только не на руку.

– Ага, и с расширенными функциями.

– Тут цифра что означает?

– Вадя-Вадя, а ты все это с Галкой сотворил, все эти цифры?

– Погодите, куда смотреть? Которая слева? Вадик, ты большой гигант большого секса!

– А что скажет наш мужской доктор?

Телефон оказался в руках Дениса, и он какое-то время лениво изучал экран.

– Ну, ваш вердикт, доктор? – Вадим довольно сложил руки на груди. – А то ты все заладил: «Приходи на прием, ты уже в группе риска». Какая группа риска с такими цифрами?

– Вадя, во-первых, в группе риска ты совсем по другой

причине. А во-вторых... Судя по этим цифрам, ты своим самым дорогим и ценным от мух отмахивался. Или... – Дэн потер переносицу. – У тебя младший нынче чем занимается? Теннисом, я ничего не путаю?

– При чем тут мой сын, я не понимаю, – насупился Черепанов-старший.

– Вот врешь и не краснеешь, – Денис сунул гаджет другу в ладонь. – Надел пацану на руку перед тренировкой, сказал, что фитнес-браслет. А теперь нам втираешь про двухчасовой секс-марафон с метровой амплитудой фрикций. До этого даже немецкие кинодокументалисты не додумались!

Раскат хохота во второй раз был совершенно оглушительный. И даже Вадим Черепанов к нему в конце концов присоединился.

– Вот хлебом не корми Вадима Андреевича – дай народ ввести в заблуждение, – резюмировал Борис. – Я вам не рассказывал, как этот добрый человек и мудрый старший брат учил меня основам безопасности половой жизни?

Компания дружно и отрицательно замотала головами, а Вадим со стоном уткнулся в полотенце.

– Предвкушаю эпическую историю, – хмыкнул Лапин. Двадцать лет работы на линейной бригаде не отбили у него интереса к подобным рассказам.

– Не представляешь, Сережа, насколько, – ухмыльнулся Борис. – Этот кристальной честности человек, – толкнул старшего брата плечом в плечо, – на мой вопрос о том, как

правильно надевать презерватив, с абсолютно серьезным лицом сообщил, что для стопроцентной защиты от половых инфекций и возможной беременности нужно...

– Не томи! – прервал затянувшуюся паузу пятый член их компании, детский отоларинголог, человек – золотые руки Семен Куриленко. Рядом с ним негромко в полотенце подвывал с переходом на всхлипы недавно отметивший сорокапятилетние отличный профессионал – кардиолог Вадим Андреевич Черепанов.

– Да сам вспоминаю сквозь смех и слезы, – старательно делал серьезное лицо Борис. – В общем, для стопроцентной гарантии, как просветил меня Вадюшка, надо в презерватив впихнуть все!

– В смысле – все?!

– Все – значит все. Все, что там болтается. Весь комплект. Один плюс два.

Первым сообразил Денис и с хохотом завалился на плечо Лапину. Тот понял следом. А потом очередной приступ хохота накрыл раздевалку.

– Меня только одно интересует... – тяжело дыша, с трудом проговорил Семен. – У тебя получилось?

– Сомневаешься? – фыркнул Борис, вызвав очередную бурю смеха. – Я же старательный! Пыхтел, сопел, но все впихнул!

– Ой, ну и дурак же ты был в четырнадцать, братец, – Вадим принялся растирать щеки. – Эта картина всю жизнь бу-

дет меня преследовать. Не думал, что такое в принципе возможно сделать. Заставь дурака богу молиться...

– Не начинай! – слаженно рывкнули остальные.

– Вот после этого, – в наступившей относительной тишине резюмировал Борис, – я совершенно утратил веру в людей.

– И стал патологоанатомом, – с напускным сочувствием продолжил Лапин.

– Именно! – закивал Черепанов-младший. – И не жалею. Прекрасная работа. А самое прекрасное в ней знаете что?

– Что твои пациенты на тебя никогда жалобы не пишут! – нестройным хором ответили Борису Черепанову его друзья.

* * *

«Секрет Изольды» вскоре перестал быть секретом. Она все так же выходила договариваться по телефону о встречах в коридор, ее все так же было слышно, несмотря на конспиративно-тихий голос. Обращение «Славочка» перешло в «Славочка, душа моя», а возвращалась после разговоров к обитателям квартиры Изольда Васильевна все в том же приподнятом настроении и с блестящими глазами.

Геннадий Игоревич, который частенько приезжал после работы в гости, очень страдал, старательно пытался делать невозмутимый вид, но у него ничего не получалось. Оля жалела отца, но со стороны все это выглядело настолько забавно, что порой с трудом удавалось сдерживать улыбку.

А соседка начала приходить к ним в квартиру с крючком и клубком ниток – она взялась за новую шаль.

– Женщина в любом возрасте хочет быть красивой, – прокомментировала это событие Оля, – и потом, она обожает шали, и примерно раз в полтора года вяжет новую. Просто пришло время. Но завтрашний футбол снова на тебе, потому что...

– «Славочка, душа моя», – закончил за дочь Геннадий Игоревич.

– Точно.

Развязка этой истории произошла неожиданно и на следующий же день, благодаря Никите. Оля только полчаса как вернулась домой, она спешно разогревала ужин для папы и сына, которые с минуты на минуту должны были вернуться из спортивной секции. Звонок в дверь не заставил себя ждать. На пороге, правда, были не только они, но и Изольда Васильевна.

– Оленька, я не оставила у вас свое вязание? – поинтересовалась она. – Никак не могу найти.

– Честно говоря, не обратила внимания, сейчас посмотрю.

– Новая шаль для «Славочки, душа моя» в детской, – возвестил Никита, снимая ботинки. – Мы же уроки там делали, я писал, вы вязали.

Густо покраснели оба: и Изольда Васильевна, и Геннадий Игоревич.

– Пойду посмотрю, – пробормотала Ольга и кинулась в

комнату, боясь расхохотаться.

Когда она вернулась с начатой шалью и крючком, все еще топтались в коридоре, только сын деловито вешал куртку на крючок.

– Вот ваше вязание.

– Мама говорит, – Никита взял в руки спортивный рюкзак, – что это очень даже хорошо, если у женщины есть поклонники в любом возрасте.

Теперь настал черед Оли краснеть. Все-таки у детей невероятно острый слух, они умудряются слышать сквозь стены и двери.

А сын, довольный собой, с рюкзаком в руках удалился в детскую и оттуда прокричал:

– А мы скоро будем ужинать? Я голодный!

Немая сцена в коридоре длилась секунд десять, пока все трое приходили в себя. Первой подала голос Изольда. Голос ее звучал выше обычного:

– Какие поклонники? У кого поклонники? – и вязание свое прижала к груди.

– У вас, наверное, – немного сипло ответил Геннадий Игоревич.

– У меня?!

– Я надеюсь, что у Оленьки тоже, конечно, есть воздыхатели... Но о них нам пока ничего не известно.

– А о моих известно? – Изольда Васильевна начала приходить в себя. – Нет, я, конечно, никогда не скрывала, что в

былые годы, работая в театре... и Оле рассказывала, но это же так... это так... естественно.

Геннадий Игоревич стоял все еще в верхней одежде и старательно ослаблял на шее шарф.

– Ну, для вас, актрис, это, конечно, естественно. Вот у нас, журналистов, такого не наблюдается.

– Что вы говорите? – соседка перевела ничего не понимающий взгляд на Олю. – Оленька, что он говорит?

– Это он на вашего Славу намекает, – вздохнула Оля.

– Славочку?

– Славочку, – подтвердил Геннадий Игоревич с каким-то удовлетворением.

Изольда, все еще прижимая к себе драгоценное вязание, с изумлением разглядывала собеседников.

– Мам! – напомнил о своем существовании Никита. – Мы ужинать будем? Я могу целого бегемота съесть!

– Ну, знаете ли, – в голосе бывшей актрисы послышалось возмущение, – не думала, что меня в этом доме... что после всего... что вот... так обо мне... Геннадий Игоревич, как вы могли?! И ладно он, но ты, Оленька... И все же вы, Геннадий Игоревич, а с виду такой интеллигентный! Я ребенка готовлю к поступлению в театральное училище! Моя старинная подруга попросила! – Изольда подняла подбородок выше, и в голосе ее послышался вызов. – Да, я знаю, что не такая уж великая актриса и не уверена, что с поступлением получится, и не хотела все это афишировать, но театр – он в моей

жизни навсегда, понимаете? И я не могла отказать, и не хотела, а вы...

Геннадий Игоревич так и застыл с рукой у горла:

– Так это уроки театрального мастерства?

– Представьте себе!

– Ох... – Оля усиленно терла лоб.

Обстановка в коридоре накалилась. Изольда была обижена, отец растерян, а сын в детской голоден.

– Занятие со Славой закончилось? – спросила она соседку.

– Да.

– Ну вот и отлично. Предлагаю всем успокоиться и устроить совместный ужин. И заодно вы нам расскажете о своем подопечном, потому что строгой конспирацией заинтриговали всех.

* * *

– Хуже пациента, который скрывает информацию, только пациент, который сам себе ставит диагноз, – Денис допустил легкое раздражение в голосе – исключительно в педагогических целях.

Васенька занялся любимым делом – залился румянцем. Потом колупнул угол стола. Испросил взглядом поддержки у Малина и, не получив оной, принялся за исповедь.

Денис слушал и иногда задавал вопросы. Тося сидел мол-

ча – парень вообще со своей ролью «А Тоська слушает да ест» справлялся прекрасно. Иногда Денису казалось, что интернету можно ничего на словах не объяснять, он все информацию получает так – аудиовизуально.

– Ну вот теперь картина прояснилась, – подвел итог Дэн. – Это же совершенно разные ситуации, голубчик: эректильная дисфункция и преждевременное семяизвержение. Ну как вы не понимаете?

– Теперь понимаю, – пролепетал Василий. Удивительно просто, что при такой импозантной внешности и даже некоторой брутальности человек обладал редкой по нашим временам чувствительностью. – Вы простите, Денис Валентинович, что я ввел вас в заблуждение. Я не хотел, честное слово.

– Придется поверить на слово, что уж, – демонстративно вздохнул Денис.

– Ну просто... понимаете... хочется же, чтобы женщине было хорошо... – весь свой ресурс по покраснению и лепетанию Вася исчерпал и теперь говорил вполне уверенно. Негромко, но с пониманием обсуждаемого вопроса.

– А кто вам сказал, что долго и хорошо – это одно и то же? Василий пару раз хлопнул своими великолепными ресницами, изобразил губами букву «О» и только после этой пантомимы выдал ответ:

– А если долго – это не хорошо, то что тогда... хорошо? Желание усмехнуться Денис усмирил.

– Такие вопросы – не совсем мой профиль. Но длитель-

ность полового акта – это тот вопрос, где единого мнения и стандарта нет и быть не может. Со своей стороны я могу выявить либо исключить факторы биологического характера, которые могут на нее влиять. Этим мы и с вами и займемся. А что до дилеммы «хорошо – долго», то это касается только вас и вашей партнерши.

– А если у меня... ну то есть... – еще не вся краска израсходовалась. Теперь запылали кончики ушей. – Нет постоянной партнерши? Но... в общем... я не с одной, а...

Полюбовавшись на кончик красного уха, Денис достал телефон и списал из адресной книги номер. Бумажку протянул Василию со словами:

– Я консультирую в Центре развития семейных отношений. Это номер сексопатолога из данного центра. Прекрасный специалист. Думаю, часть ваших вопросов он снимет. Но анализ на гормоны сдайте обязательно.

Васенька закивал и стал прощаться. А на пороге вдруг замер, видимо, потрясенный музыкальными созвучиями. Помимо поэтического дара Тося еще подвизался на ниве художественного свиста. И сейчас что-то насвистывал, глядя в окно.

– «Не уходи, побудь со мной, ты, мой каприз» – это мне? – задорная улыбка удивительно шла Василию. Смысл вопроса от Дениса ускользнул, зато Антон его вполне уловил. Рассмеялся.

– Нет, это я так – по мотивам осеннего пейзажа. Наваяло.

Бабушка любит эту песню. А что, похоже вышло? Узнаваемо?

– В конце припева немного неточно, – широко улыбнулся Василий. – А так – да, узнаваемо.

– Любите петь? – Тося хорошо усвоил урок о важности установления доверительных отношений с пациентом. Не исключено, что из парня таки выйдет неплохой андролог. – В караоке?

– Нет, караоке – это для меня... слишком, – Васенька совсем прибодрился и помахал им ручкой. – До встречи, Денис Валентинович, Антон Евгеньевич.

Теперь уже Малин смотрел с открытым ртом на закрывающуюся дверь.

– Ну когда ты уже привыкнешь к имени-отчеству, – вздохнул доктор Батюшко. – Вот же Тося Бабушкович...

* * *

Геннадий Игоревич последовал совету дочери насчет «ухаживать за актрисами красиво и с шиком» и не придумал ничего интереснее, чем пригласить Изольду Васильевну в театр.

– Правильно, – одобрила Оля, разглядывая билеты. – Пока на горизонте не появился новый Славочка, надо действовать решительно.

Лицо отца сморщилось при упоминании недавнего инци-

дента:

– Не напоминай! Так глупо и нелепо получилось.

– А по-моему, смешно. Ну и с пользой. Так ты бы еще год мучился гамлетовским вопросом: ту би о нот ту би, купить билеты в театр или не покупать?

– А ты хулиганка, дочка, – слегка прищутив глаза, проговорил Геннадий Игоревич.

– Еще какая, – согласилась Оля, – мама в детстве звала меня Бестией.

И это была правда. Только в тоне матери не слышалось снисхождения и теплоты, когда звала так свою дочь. «Бестия» означало, что Оля делает все не то. Молоко забыла купить? Чего от Бестии можно еще ожидать? Колготки порвала белые парадные? Вот покупай тебе после этого дорогие колготки. А то, что с мальчишками подралась, потому что те дразнили и обзывали фонарным столбом (к одиннадцати Оля вдруг резко вытянулась и была выше всех в классе), – маму не интересовало. Она работала, убиралась, ходила на школьные собрания, копила на стиральную машину-автомат, уставала, а дочь, вместо того чтобы помочь, только расстраивала. Учиться могла бы лучше, в магазин ходить чаще, к вещам относиться бережнее.

Оля старалась, честно, старалась. Это была настоящая многолетняя борьба за возможность услышать ласковое материнское слово. Так хотелось, чтобы ее к себе прижали, по-

целовали, называли «дочкой», «радостью». Случалось. Очень редко. И дни эти были самыми счастливыми и запоминающимися. А в основном, конечно, Бестия.

Это уже потом, будучи сама с ребенком и возвращаясь мысленно в детство, Оля стала лучше понимать мать, что не со зла все, а от усталости и личной неустроенности, от того, что еще молода и красива, а наладить свою жизнь не можешь. Потому что вместо того, чтобы пойти на свидание, надо домой – ужин готовить и кормить ребенка, и стоять в очереди за детской одеждой, и достать эти распрекрасные парадные белые ажурные колготки, которые надели всего один раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.